

Роман Павлов

ВОЛХВЫ

16+

Роман Павлов

Волхвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51930983

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98048-8

Аннотация

Ощущение беспечности резко оборвалось в деревне "Волхвы", приютившей того, кто скрывал причастность к грядущему року, предвестники которого уже явили себя, дьявольским образом погрузив в древние таинства несчастных местных жителей, играющих в трагедии не последние роли. Одним уготовили путь обречённых, но другие, представляющие лишь толику рода людского, получили шанс заглянуть за грань мирового уклада, коим движут прежде неизвестные силы. Эти силы призовут потаённые ужасы человеческих душ и оставят след, которым должен будет воспользоваться тот, кто поздно осознает тяжесть собственных грехов.

Содержание

Часть I	6
1	6
2	10
3	14
4	18
5	25
6	27
7	28
8	31
9	35
10	37
11	40
12	43
13	46
14	50
15	52
16	61
Часть II	62
1	62
2	66
3	72
4	75
5	81

6	88
7	96
8	98
Часть III	102
1	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Роман Павлов

Волхвы

Разрушение заблудшей надежды на беспечность, поселившейся в изолированной глуши, несёт в себе более зловещий ужас, чем тот, что когда-либо закрадывался в людские мысли.

Часть I

1

Беспощадное июльское солнце набросилось на жителей глухой деревеньки Волхвы, которые в самый разгар летнего дня были заняты работой на полях. С оголённых тел, уже покрывшихся трудовым загаром, пот лился ручьём. Люди стояли в скрюченных позах, пропахивая землю, кровожадно расправляясь с сорняками, и лишь иногда меняли своё положение, подперев рукою тазобедренную часть, чтобы разогнуться и издать звонкий хруст. Время от времени измученные жарой фигурки покидали участки, уходя в тенистые сады, ближе к собственным домам, и возвращались с полными вёдрами воды.

Современные городские женщины, приобретающие продукты исключительно с пометкой «веган», скорее всего, назвали бы их сельскими йогами, комбинирующими энергетические асаны с кардио-нагрузками и отягощениями, даже не подозревая, что они в долгу перед ними за натуральное содержимое холодильника, волшебные баночки для точёной фигуры под девизом «Просто пей меня и держи задницу на стуле – всё получится!», за победу в Первой мировой войне против пестицидов в конце концов! За этими благами чело-

вечества стоят простые сельские работяги, которые в данный момент мучительно смотрят на бесконечные поля, упирающиеся в горизонт, думая про себя, что зря отпустили одних детей покорять город, а других играть в футбол на лужайке перед домом.

– Женька! Женька! А ну бегом на картошку! Давай помогай матери! – кричала маленькая полная женщина. Копна каштановых волос, образующих гигантский муравейник, вырывалась из косынки, и ей приходилось мазаться землёй, чтобы их поправлять. Ноющая поясница только подливала масла в огонь. – Вот паразит! Опять, поди, утоп в этом плере, что Елисейские ему из города привезли, – ворчала она.

– Что шумишь, Галк? – спросила бабка Нюра, которая ловкими движениями пальцев-сарделек препарировала сорняки лучше любого комбайна.

– Жара замучила, бабуль – она снова вытерла пот и добавила чёрных мазков. – Тебе бы самой отдохнуть!

– Здорово живёшь, Галк! Я ещё на курорте побуду! Солнышко мой ревматизм лучше этих ваших докторов лечит! – проговорил копчик бабы Нюры, потому что сама она ушла в боевую стойку.

Женька так и не откликнулся, работа кипела без него.

Издалека на тружеников смотрело огромное пшеничное поле, которому уделяли внимание только во время жатвы. Тогда в дело вступала техника, по всей округе стоял рёв комбайнов, и местным тунеядцам приходилось скрываться от

батраческой доли. Прятки от комбайнов (излюбленный способ отлынивания) однажды закончились довольно печально, и сельскому врачу досталась сложная задачка по восстановлению пациентов.

– А в каком году трёх мужиков порубило? Давно ж было? – Галя решила взять перекур и сходить в гости на огород к бабе Нюре. Выпив залпом литр воды прямо из ведра, она устроилась на самодельную скамейку под яблоней. Раздался аппетитный хруст.

– Долботрясов-то этих? Подводит меня память уже, дочка. Лет 10 назад. – руки продолжали орудовать в земле. – Здесь же время идёт плохо. Лето, зима, зима, лето. Помню, народу собралось больше, чем на медовый спас. Председатель приехал, с мешками чёрными носились, всё просили малых убрать, чтоб носы любопытные не совали.

– Жуть какая! – сказала Галина, впившись зубами в исполтинское яблоко.

– Ты ж на тот момент в город укатила. Да и не стоило тебе видеть всё это. Милиция толком и не разобралась, кто виноват или... – неожиданно бабушка замерла.

– Мм? – женщина на скамейке подалась вперёд.

– ...или что – закончила мысль баба Нюра.

Галина безобидно улыбнулась. Ей хватало сказок от собственного сына, который на каждый прогул школы придумывал такие леденящие душу истории, что за него иногда действительно становилось страшно. Бывало Женька даже полу-

чал минутную фору, чтобы спрятаться от ремня – настолько сильным оказывался эффект от его выдуманных ужасов пролеших, похищенные велосипеды или про стаи сов-убийц, поглощающих сладкий сок из голубых человеческих глаз и высасывающих костный мозг из позвоночника.

– Брось, бабуль. Залили за воротник и – дрыхнуть. Видать, не одну бутылку приспособили, раз даже комбайн не разбудил.

– Все так говорят – выражение лица бабы Нюры изменилось. – Пусть. Так лучше.

– Наслушаешься с тобой! – Галина махнула рукой. – Пойду к себе.

– Давай, делай как я!

Крепкая бабушкина спина склонилась к земле, снова издав приветствие солнца особым способом, и руки-тяпки стали выполнять отточенные движения по уничтожению сорняков.

Деревня Волхвы могла похвастаться десятком домов до водонапорной башни и пятью – после. Это был уединённый мир, зажатый в прочные лесные тиски, за которыми находился чуть более крупный посёлок. Тамошние жители редко ходили даже в собственный магазин, где в наличии были только сигареты и сонная продавщица. Волхвам приходилось ждать еженедельную «лавку на колёсах», манящую запахом свежего хлеба, плюшек и звуками болтающейся газировки. Если «лавка» не приезжала, жителям оставалось седлать транспортные средства и отправляться через лесную чащу, опять же, за сигаретами.

Весь этот крохотный мирок вёл счёт поколений по количеству домиков – каждый рассказывал свои истории, каждый хранил свои секреты. Летом в деревню съезжалось много народу, устраивали гулянья, редкий вечер не заканчивался сборищем детей около ночного костра под сопровождение сказок Иваныча:

– Садитесь, детишки, поближе к костру. Ближе к свету. То, что я сейчас поведаю вам, опасно слушать в темноте. Темнота – его дом, его стихия, в темноте он беспощаден и непобедим. Только огня благодатного боится он и на свет не показывается. Но стоит замешкаться в сумерках, аль по дурачости в лес, к пруду выйти – считай, пропали.

Мальчишки и девчонки, несмотря на возраст, кучковались и прижимались друг к другу.

– То-то же! – продолжал Иваныч. – Так вот. Очень уж зиму любит Хорх, зовут его так. Не произноси вслух, Ванька, придёт же! – топнул дед. Мальчик закрыл рот. – Ибо зимой день слаб, и вечер быстро на лопатки его кладёт. Тьма следом подступает... – старожил сдвинул брови и развёл руки полукругом, чтобы усилить эффект. – А вместе с тьмой – ОН!

В свете костра и окружённый тьмой Иваныч превращался в древнего монаха, изрекающего пророчество-предостережение.

– Впервые Хорх объявился в Климовичах, что за нашим лесом, правда тогда думали, будто стая волков на охоту вышла, но откуда ж им взяться в этих краях! Да и волки дерут человека заживо, мясо кусками отрывают, лишь одни косточки остаются. Тут же – целиком пропадают. Будто бесы одним махом проглатывают! – старик уже по-медвежьи поднял руки и начал поедать воздух, со стороны казалось, что он увеличился раза в два!

По спинам детишек побежали мурашки. Кто-то засопел носом, всеми силами скрывая рёв.

– Хорх к ним пришёл. Откуда – неизвестно. Ведуны гадают, что наши предки, древние славяне, заточили зло в ловушку болотных топей, глубоко под землёй, не имея сил уничтожить дьявольскую силу окончательно. Шло время, и однажды потрясение земли произошло. Плиты планеты сдвину-

лись, образовался в ловушке разлом, и Хорх смог выбраться наружу! С тех пор бродит он от деревни к деревне, похищая того, кто во тьме беспечно блуждает.

– Дедушка Тихомир, – подал голос Коля, тот самый сопящий карапуз лет пяти – а, может, дядю Семёна и Виталия, что пропали, Хорх забрал? – произнёс он шёпотом.

– Коля, – Иваныч встал во весь свой гигантский рост – ты умён не по годам! Его это рук дело, не иначе. Снова эта напасть на Волхвы обернулась. Посему – осторожней с темной, далеко и без взрослых – ни шагу! Запомнили?

– Да, дедушка Тихомир – ответили дети хором таким напуганным голосом, насколько это возможно.

– То-то же.

Они молча сидели и смотрели на горящее пламя. В разлетающихся от костра искрах дети чувствовали себя защищёнными. Ни один не отважился встать и побрести домой, хотя ближайшая избушка была прямоком за спиной Иваныча.

– Вот вы где?! – раздался голос и вслед за ним из темноты показался тучный бюст в белом громадном платье; Мстислава, соответствующая званию деревенской доярки, покупала его уж точно не на вырост. Длинные светлые волосы превращали её в летящее по ночным волнам привидение-переросток. – Вы опять, что ли?! Ну-ка по домам, спать пора! – мощный голос заставил вибрировать стёкла соседних домов.

– Прокофьевна, не сердчай, у нас здесь хорошая компания, – лицо Иваныча расплылось в кефирной улыбке. Де-

тишкам интересно, правда, ребят? – он окинул взглядом детей.

– Вижу! Доведёшь, старый, детей до инфаркта, сдадим в милицию! – по округе разнёсся лай, пробудились собаки.

– Брось, мать, уже расходимся. Утро вечера мудренее, друзья. Не забудьте, о чём мы говорили!

Детские головы боязно закивали.

– Дед! – взревела доярка.

– Доброй ночи! – заключил Иваныч и шустро засеменил к своему дому, опасаясь гнева Мстиславы.

Дети разбежались от костра, попрощавшись со старцем только вспышками пугливых глаз, чувствующих приближение взбучки от родителей, и всю дорогу, пока каждый брёл до своего дома, они косились в сторону леса.

Иваныч последовал их примеру. Пришёл к себе, принял сто граммов «снотворного» для крепкого сна и отправился на боковую. Эта ночь не беспокоила жителей Волхвов.

3

Внутренняя дорога, «дворовая», как любили говорить местные, делила деревню на зоны домиков и огородов. И если жилища были заботливо ограждены массивом зелёных холмов и лесом, находящимся за ними, то огороды могли увести путника в бесконечность, так как за участками и пшеничным полем необъятных размеров было видно лишь полоску горизонта.

Женька со своим другом Славиком любили пощекотать себе нервы, пробравшись на пшеничное поле и оказавшись на огромном безлюдном пространстве, лишь во власти степного ветра, чтобы встретить наступление сумерек. Они представляли, что вот-вот набросится ночь и отрежет их от родителей, домиков, дальних посадок. Жёлтый кусок суши, который через пару месяцев станет хлебным урожаем, казался мальчишкам порталом в другое измерение, полное неизвестности и, скорее всего, опасности. Мурашки приятного ужаса бегали куда быстрее, если небо озарилось молнией, создавая ощущения перехода (или телепортации). Повсюду слышались раскаты грома. Стоянка техники слева то показывалась в свете ярких вспышек, то погружалась во мрак. Рядом выглядывали надгробия маленького деревенского кладбища.

Этот мир должен был раствориться под напором разруши-

тельной бури, укрытой пеленой враждебных бардовых облаков. И единственный шанс спастись – вовремя оказаться на пшеничном поле, ещё до захода солнца.

Казалось, что через секунду они станут героями фантастического романа в духе «Войны миров», но уже в реальности. Если получится выжить, они соберут столько историй, что городские журналы выстроятся за ними в очередь. Не получится – плевать, они падут как настоящие храбрецы в свои 11 лет, гоняясь за приключениями!

Неожиданно раздался вопль:

– Кого там занесло в поля?! Выходите на свет! – кричал человек в чёрном, хлопнувший дверью старенького УАЗика.

В тот же момент между ребятами возник жёлтый луч, который совершенно точно исходил от:

«Фонаря смотрителя» – подумал Женька – «Попались...».

– Ещё раз повторяю, кого черти занесли? Дома не сидит-ся? Чешите сюда, пацанята!

Парни переглянулись. В выражениях их лиц читалось:

– «Славик, он не видит наши лица, мы стоим спиной»

– «Ага, предкам не доложит»

– «Погнали к тракторам!»

Два силуэта сорвались с места, где осталось пятно фонаря. От машины смотрителя можно было разобрать лишь сверкающие макушки, подпрыгивающие над колосьями пшеницы. Дети бежали быстро – их подгонял мощный впрыск адреналина и боязнь очередной порки. Вдруг дядя Кондрат (про-

куренный голос точно принадлежал ему) сдаст их, как сдал водитель-молочник, который засёк ребят на шоссе, когда те устроили велосипедный кросс? Тогда они здорово перепугались, увидев, что огромная жёлтая бочка с надписью «МО-ЛОКО» припаркована около дома Елисеевых, семьи Славика. Повторного наказания не хотелось, поэтому пятки сверкали так, будто их преследовала свора бешеных собак.

– Стоять, мелкие засранцы! – закричал Кондрат, но вдруг закашлялся. – «Проедусь и хотя бы напугаю их» – подумал он про себя, сел за руль и достал пачку «Беломорканала» из нагрудного кармана.

Женька покосился направо – Слава отстал, он первым истратил весь запас адреналина, да и сам мальчуган был куда объёмнее своего друга – сказывался недостаток Елисеевых. Стрижка «ёжик» визуально делала Славика ещё толще, настолько, что Жека мог легко спрятаться за ним.

Когда первый бегун добрался до трактора, второй, тяжело дыша, упёрся руками в колени.

– Ползи к колесу, а то засекут! – прокричал Женька.

– Сейчас... дай... отды... отдышаться... – Слава еле передвигал ноги.

Шум мотора УАЗика нарастал. Фарам уставшего от жизни сельского автомобиля не доставало до цели каких-то 50 метров. Не помоги Женька своему другу быстрее укрыться за большим колесом «Беларуси», с огромными шинами, их побег оказался бы напрасным. Машина зрителя проеха-

ла мимо. Дальний свет прошёлся по маленькому кладбищу, которое находилось прямо напротив убежища ребят, и те, конечно же, увидели, как в мимолётной вспышке света показались разрытые могилы, а их обитатели, которые должны были лежать внутри, почуяв вкус добычи, направились в сторону тракторов.

Тогда сердечная мышца у обоих авантюристов выполнила тренировку профессионального культуриста. Запаса энергии хватило на то, чтобы отыскать собственные велосипеды, дабы не оставлять улики, и быстрее пули добраться домой. Тем временем, Кондрат взял курс под названием «Разворачиваться я не буду». Посмотрев в зеркало, он увидел очередной рывок двух знакомых фигурок через закутанное во тьму поле и лишь плюнул в окно: «Сопляки».

4

Сельский батюшка Игнат мощным движением большого пальца откупорил бутылку свежего «продукта», который сам же производил в церковном подвале. Эксперимент с добавлением берёзового сока удался: в запахе чувствовались мягкие нотки; вкус стал более благородным; язык обжигало сильнее, чем обычно – Игнат был в восторге. Во дворе он обустроил себе местечко для философии, состоящее из кресла-качалки, направленной в сторону леса. Батюшка налил вторую кружку (первой всегда снималась проба продукта) и с аппетитом поднёс её к массивной бороде каштанового цвета. «Прости, Господи, пуще прежней пошла!» – выставил оценку Игнат – «Хорошо!». Кресло пришло в движение. Скрип раскатился по деревне.

Местный батюшка не относился к тому типу деревенских мужиков, что проводят свободное время на дне бутылки. Возможно, они заходили к нему, не раз заходили, однако, сам он предпочитал идти небесной тропой, путём славного воина Христа, регулярно подкрепляя боевой дух сугубо на благо ближних своих.

Волхвы оберегали его от самого себя, а он, в свою очередь присматривал за Волхвами, обороняясь от призраков афганской кампании – запретной темы во время любого разговора. Одни поговаривали, будто Игнат, который тогда ещё не

был батюшкой, рубился с моджахедами с первых дней ввода войск СССР и вдоволь насмотрелся на пылающие останки в подбитых БМП, оторванные головы, кровавые засады и чудом бежал из плена. Другие находили в нём элитного вояку из группы «Каскад», штурмовавшей дворец Амина. Много чего говорили. Пытались выяснить лично, однако, самых буйных настигало крепкое слово, а иногда и длань батюшки, лишней раз подтверждающие суровость его прошлого. Никто не позволял себе плохо говорить ни о церкви, ни об Игнате. Можно сказать, что свой приход он заслужил силой, в хорошем смысле. Поэтому все местные старались не мешать его регулярной «медитации», разве что здоровались, на что в ответ получали одобряющее «Храни тебя Господь» с кресла-качалки.

Женя и Слава пинали мяч на полянке между своими домами. Они заметили внушительный силуэт в тёмной рясе, усаживающийся на «трон» с бутылкой и кружкой. Сначала они не обратили на него внимания и продолжили бить серии пенальти. Слава опять злоупотреблял ударами пыром, чем раздражал Женьку, который орудовал ногами куда профессиональнее. Начали тренировать дрибблинг, парней разбросало по огромной поляне. Их тормозил только уклон к прудам. Летящий мячик напугал всех козлов, что выходили пожевать травки. Свой протест животные, как всегда, выразили кучками шариков и негодующим бляением.

Игральный снаряд улетел в крапиву, как назло, густо рас-

тушую прямо за воротами.

– Фух, больше туда не полезу, Жек, давай отдыхать, – Слава по-мертвецки рухнул на зелёную травку, вдыхая аромат клеверов.

– Сейчас тебя шмель в пузо клюнет, смотри! – довольный Женья показал пальцем.

– Где?! – вскочил Слава.

– В попе на дне. Долго ты будешь трусить? За мячом сходи – ты же продул!

– Ладно... – упитанный друг аккуратно полез в крапиву. «Хрен ты у меня попросишь мяч понабивать, пока я на баяне играю» – ворчал Слава.

Женька, весь мокрый от пота, приклеился к бутылке с холодной водой. Солнце палило нещадно, и он остановился только тогда, когда краем глаза увидел Славу. Тот отобрал живительную влагу.

В это время Женья ещё раз посмотрел на батюшку Игната, вспомнил вчерашний день и задумался:

– Славик, а ты вообще веришь в то, что мёртвые могут подняться?

– Да ну. Кто их поднимет?

– Кто его знает. Вдруг то, что нам вчера показалось, когда-нибудь произойдёт? Какая-нибудь молния ударит и оживит покойников?

– Так давай подождём, пока батюшка Игнат кружку допьёт, да спросим, он-то знает.

– Давай. Пошли сейчас.

Юные футболисты топали замученным шагом вдоль деревни, наблюдая за выстроившимися домиками по правую руку. Иногда им удавалось попасть на представление сбежавших поросят, выезд лошади деда Миши или погони стайки гусей за малышами, решивших погладить пернатых. Сейчас в воздухе витало спокойствие, если, конечно, не считать постоянных обитателей Волховских лугов – козлов.

Они жевали травку и пахли. О, небеса, этот запах! Аромат, что оставался с любым приезжим на неделю, был визитной карточкой деревни. Любой, кто проходил через лес «на выход» и залезал в автобус, тут же ловил косые взгляды. Особо нервные водители даже предпочитали высаживать «душистых», как сами же их и прозвали, чтобы не провоцировать бунты в транспорте. Многие шутили, что любой сыр, приготовленный в Волхвах, автоматически становится козьим.

Козлики разбрелись до прудов в низине, уже на подступах к лесу. Они аппетитно кушали травку, перерабатывая её в странного запаха дробинки, которыми Слава однажды растёр укус осы – по совету Андрея, их третьего друга, перебравшегося в город. От души вымазался – смеялись тогда всей деревней! Животные переговаривались напористыми «Бееее» и интригующими «Мееее», делая музыку полей. На чьей-то пасеке жужжали пчёлки, отовсюду доносилось чирикание, под ногами приятно хрустела свежескошен-

ная травка, которую ещё не успели убрать Митрофановы. По пути к Игнату мальчишки погружались в атмосферу заповедника, эдакой книжной русской деревни, где дни, как и люди, похожи друг на друга, уклад сохраняется поколениями, а из радиоприёмников по-прежнему голосит «Маяк».

Под пристальным взглядом быка Сени, подобно монументу стоящему на тропе перед церковью, Женька со Славиком прокрались мимо и, выбрав правильный момент, подошли ближе к Игнату. Лицо батюшки уже приобрело умиротворённые черты, и он расплылся в эйфории. Вид приближающихся озорников никак не отразился на его настроении:

– Смотрите, кто пожаловал в это полуденное пекло! – громким баритоном проговорил церковник и воздал руки к солнцу.

– Здравсьте, батюшка Игнат! – синхронно выдали пацаны.

– День добрый! – кресло-качалка пришла в движение. – Пригубите? – Игнат было потянулся за пустой бутылью, но потом окстился: спаивать ребятню было не по-христиански, тем более, почти всё он уже осилил сам.

– Да мы к вам по делу пришли, – выступил Женька.

– И по какому же, отроки? – Игнат скрестил титанические кисти рук.

– Видели... недавно, как кладбище – Слава покосился на друга, спрашивая глазами, стоит ли рассказывать посторонним об их похождениях (тот кивнул) – восстало.

– И его обитатели по-прежнему стоят там, за ограждени-

ем, и чего-то ждут, раз до сих пор никто не пришёл? – зрачки батюшки раскрылись, на левой щеке зародилась ухмылка.

– Оно понарошку, на одно мгновение. В темноте – только надгробия, а как фарами подсветили – появились «человеческие» тени и разрытые могилы. Потом машина проехала, и опять тишина. – Женька закончил историю.

– Детская фантазия... – погрузился в думы батюшка. – Чем дальше, тем сложнее, тем необузданнее становится воображение наших отпрысков – он засмеялся, но так, чтобы не обидеть пацанов. – Помню, как боялись леших, чудовищ из зеркал, которые могли навсегда утащить в другой мир, на темноту постоянно косились, но до восставших мертвецов дело не доходило. Может быть, время иное, может, взрослели быстрее... – Игнат поднялся с «трона» и подошёл к обеспокоенным ребятам. – Однако, запомните, что ни одна сила не может поднять целое, пусть и сельское, кладбище из могилы. Господь иногда делал исключения, например, возвращал Лазаря. Рассказывал я вам про это?

– Кажется, нет – оба понурили взгляд.

– Жаль, моё упущение – сказал священник. – Обязательно поведаю, когда народу побольше будет. Так вот, – Игнат присел на одно колено – ни библия, ни наука не знают способов массового возвращения мертвецов к жизни. Единственный способ – это ваше воображение, – батюшка взъерошил им волосы и улыбнулся – но за пределы головы оно точно не выйдет. Ну что, полегчало?

– В голове... – прошептал Славик. – Да мы просто хотели убедиться, батюшка Игнат.

– Полегчало – сказал Женька. Спасибо! Только... – он взял театральную паузу.

– Что же? – лоб Игната сжался грядками от удивления.

– Только дайте нам хотя бы попробовать вашего питья, с берёзовым соком.

– Нет.

– А понюхать?

– Нет, говорю! Так нанюхаетесь, что потом ещё кого-нибудь воскресите или отлов инопланетян устройте. Вон колодец, в ведре вода свежая, попейте и ступайте с Богом! – батюшка развернул пацанов и те поплелись в обратном направлении, мимо негодующего Сени, на звук бляения козликов.

Крестьяне начали потихоньку уходить с полей, чтобы пополнить запасы сил, необходимые для новых трудовых подвигов. Все разбрелись по домам, воссоединяясь с семьями. Дети постарше бегали на водопроводную колонку с ведрами. Кто-то сперва кормил живность, а уже затем усаживался за общий стол. По всей деревне слышался звук хруста огурцов, шкворчания чугунных сковородок и треск дров в кострах энтузиастов, которым был чужд тепловой удар.

– Галина, бери Женьку и давайте к нам на сиесту – кричала соседке Екатерина Елисеева, мама Славика. – Заделаемся испанцами, у них там такая же жарыща. Женщина от всей души засмеялась.

Екатерина ей не нравилась, и причина была лишь одна – их поразительное сходство, проявляющееся как во внешнем виде, так и в поведении. Тяжело представить ситуацию катастрофичней появления на встрече двух девушек в одинаковых вечерних туалетах. И не менее тяжело переживать наличие собственного двойника, который обёрнут в комфорт и благополучие и не стесняется показывать это на каждом шагу.

«Даже сейчас, только взгляните на неё» – ворчливые мысли заполонили голову Галины. «К чему эти кудряшки, ка-

кое-то летнее платье с блестящей эмблемой из трёх букв. Зачем, скажите, ногти такие отпускать на ногах – да ими полоть можно!»

Волосы в очередной раз упали Галине на лоб, она сделала привычное движение рукой и закончила боевую раскраску земляного цвета. Она пока не успела освежиться после огорода.

– Конечно, зайдём, готовьте табуретки! – Галина вспомнила всё, чему её учили на театральном кружке.

– Галочка, разместишься на мягком уголке, мы же недавно обновили. – уколола Екатерина.

Бардовое лицо соседки не мог скрыть даже земляной слой.

– Чудесно-прекрасно! – отчеканила она и отправилась к умывальнику.

6

Волхвы утонули в полуденном зное. Огороды покинули даже самые отчаянные батраки. Там, где час назад пробегала ребятня или живность, грунт раскалился до такой степени, что мог обжечь и голые пятки детишек, и гусиные лапы. С улицы доносились только крики деревенских пацанов, которые, вопреки природному страху «чистейшей» воды коричневого цвета, ныряли в деревенский пруд, так полюбившийся местным коровкам. Раз они смогли противостоять целому полку заразы под предводительством кишечной палочки, то от засухи точно не помрут. Потом и они разошлись, кто-то подался через лес. Наконец, наступила гробовая тишина, сопровождаемая музыкой полей. Волхвы заснули.

В это время Тихомир Иваныч, тот самый староста, собирающий толпы детей около костра, лежал за печкой, скрестив руки, и дремал с открытыми глазами. Эта привычка появилась задолго до седых волос и бороды, хотя причину никто не знал, да и сам дед не признавался. В его голове крутилось множество мыслей, и пищей для этих мыслей служили истории, заставляющие кожу слушателей покрываться маленькими пупырышками. Казалось, ночные представления скрывали только часть правды, иначе как объяснить сужение и расширение зрачков деда Тихомира во время этого специфического «транса»? Он будто заново переживал (возможно, выживал) свою собственную историю, и как раз правдивой версией ему никак не хотелось делиться с соседями. Возраст для очередного изгнания совсем неподходящий.

Воспоминания вместе с жарой подняли старца на ноги. Шатаясь, он задел сундук, с которого рухнул огромный самовар. Удар пришёлся на ковёр, откуда торчал огромный амбарный замок, вернее, их было несколько. Эхо пролетело по всей деревне, где-то залаяли собаки. Дед Тихомир замер. Он знал, очень давно знал, что столько замков и массивная кованная крышка, скрывающаяся под заросшим пылью ковром, защищают вовсе не соленья. Именно поэтому движения вернулись к нему спустя пару минут. Лапти зашаркали

по полу. Часть кувшина оказалась в большой металлической кружке. Старец уже поднёс кружку к губам, как вдруг замки неожиданно подпрыгнули в эпилептическом припадке.

Припадок повторился, но с утроенной силой. Дед стоял на прежнем месте и не шевелился. Затем замки запрыгали снова. Воздух переполнился напряжением, которое ясно давало понять, либо угроза пройдёт мимо, либо не поможет ровным счётом ничего: ни топор, ни распятие, ни святая вода, ни обрез, который ещё нужно найти. Снова удар. Крышка бешено затряслась. Пыль с ковра подпрыгнула до уровня окна. Тихомир не повёл и бровью. Он упёрся взглядом, а если точнее – силой мысли в отплясывающие канкан замки. Вчерашний рассказчик преобразился в сгусток энергии, блокирующей появление того, что рвалось наружу. Их мыслительные волны переплетались, старец, несмотря на «окаменение», подавлял невероятную мощь там, внизу. По мере того как нарастала концентрация, звук сопротивляющегося железа становился злее, истошнее, мучительней, не предвещающая хорошего конца.

Когда лоб Иваныча усыпало каплями пота, а его самого затрясло, нечто закричало из-под земли, издало полный боли вопль и оставило крышку в покое. При этом ни одна живая душа, кроме деда Тихомира, не услышала звуковые волны из чистилища, поскольку их взрыв произошёл на ментальном уровне, заставив зажмуриться того, кто сдерживал этот сумасшедший натиск.

Наконец, возраст взял своё. Тело как подкошенное рухнуло на стол. Иваныч отключился.

Очнулся старец только за полночь. Голова раскалывалась. С левой стороны, около уха, пульсировал болевой очаг. Пение сверчков за окном воспринималось куда более раздражающим, нежели оркестр, играющий вилами по стеклу. Рука прошла по волосам и нащупала огромную шишку, которая, по правде говоря, была меньшим из зол, грозящих хозяину дома. И не только ему.

Мысли опережали действия Тихомира. Почему сейчас? Что спровоцировало ЕГО? Зачем он вернулся? Отложив ответы на потом, дед поспешил проверить барьер, про который он надеялся никогда не вспоминать после заселения в дом. Кряхтя и потирая образовавшийся пенёк на голове, старец согнулся, присел на лавку и резким движением отдёргнул ковёр. «Слава Богу, целы» – он вынес скромный вердикт. Несмотря на то, что замки отплясывали сумасшедшие танцы, они с честью выдержали испытание. Зато дерево крышки, ведущей в подпол, серьёзно потрепало – массивные бруски покрылись паутиной трещин. Благо выручил стальной каркас и дужие петли.

Ковёр вернулся на прежнее место. Тихомир Иваныч с трудом взгромоздил самовар на сундук. Предпринимать какие-либо действия в ночи, как и сообщать соседям о нависшей над ними опасности, было бы глупо. Потенциальной

жертве взбесившегося существа оставалось только одно – думать, причём думать требовалось максимально быстро, ибо там, куда убежал чужак, могло не оказаться столь прочного барьера. И выследить его не позволяли ни собственные силы, ни расстояние. Единственный человек, способный выслушать подобный рассказ, уже крепко спал неподалёку от колокола, и будить его сейчас было равносильно спуску в погреб в одиночку. Чистое самоубийство.

Тело болезненно отзывалось на любое движение. Ментальное напряжение шипами вонзилось в мышечные волокна, дало импульс силой парового молота по костям, отсчитавшим свыше 90 лет; ноги и руки тряслись. Из левой ноздри аристократически длинного носа проложила путь засохшая струйка крови. Однако, рассудок был готов к тому, чтобы вступить на путь исправления ошибок прошлого, плоды которых несколько часов назад пытались выбраться наружу и превратить в пустошь не только Волхвы, но и всё, что могло попасться ему на пути.

«Грехи отцов...» – Тихомир Иваныч тяжело вздохнул. «Вчерашний кошмар, зарождённый в умах прижавшихся друг к дружке детей, явился творить быль. Жестокую. Кровавую. Без разбора. Тёмная энергия, заточенная в столь яростном сосуде, жаждет отмщения, которое за время нахождения в плену рунических оков достигло адской точки кипения...»

Старик спровоцировал хруст позвонка, покрутив голову в разные стороны. Нервы.

«Наша с ним связь до сих пор прочна, и, может быть, я завёл разговоры о движении литосферных плит неспроста? Вдруг мне послали предостережение, как раз в тот вечер, за полдня до появления... Хорха.»

Вслед за произнесением имени существа по ноющей спине пробежал лёгкий холодок, будто ему был послан мыслительный сигнал. Дед Тихомир подумал о сказочном персонаже, которым пугал детей, он знал настоящее имя существа, и ни при каких обстоятельствах не собирался «обращаться к нему напрямую», однако, жуткий «отклик», снизивший температуру тела, всё же сработал, чем вызвал неподдельную тревогу. Чаша везения во время второй шоковой обороны могла склониться на другую сторону. Ночь потворствовала ЕГО свирепству, а старик еле стоял на ногах.

«Опасения терзают мой мозг, не выдержит, боюсь». – Иваныч старался включить защиту. «Прочь, гнать мысли прочь.» – он давал себе установки, на уровне нейронных реакций, вгрызаясь в кору, возводил прочные бетонные стены. «Что угодно, нужно быстро переключаться. Самовар. Чай. Нет.» – глаза обстреливали скромное жилище. Взгляд остановился на ковре и выпирающих замках. Каждая клеточка ждала звука удара нечеловеческой силы и истошного вопля замков. К счастью, эти мысли прогнал как будто специально собранный рой сверчков за окном.

«Подыграть им, точно» – губы Тихомира приняли форму музыкального инструмента, и из них полились ноты, гармо-

нично лежащиеся на ритмичное потрескивание во дворе дома. Казалось, сверчки вторят ему, чуя надвигающуюся опасность.

Иваныч распахнул дверь и вышел на порог, не выключая свою «губную гармошку». Он на всякий случай посмотрел по сторонам – в окна царила крошечная тьма, все соседи спали. «Ещё бы, столько горбатиться на грядках» – промелькнуло в голове. Позволив мимолётному трансу полностью забрать собственное внимание, дедушка не заметил шелест в кустах за домом, перетекающее в быстрое движение нескольких конечностей по сухой траве. Шум нарастал вперемешку с фырчанием. Подобных звуков точно не мог издать тот, кто ходит на своих двоих.

До последнего момента Иваныч был устремлён в сторону леса. До последнего момента он находился в симбиозе с деревенской фауной.

– Кто это?! – вскрикнул старик, когда нечто мохнатое проскочило вплотную с его ногами.

Вместо ответа на него уставилась пушистая мордочка с высунутым языком и оттопыренными ушками. В этот безумный ночной час Тихомир Иваныч оказался не одинок.

– Джек! – он тут же забыл обо всём, обрадовавшись появлению верного друга. Почему не спишь? Соскучился?

– Гуав! – задиристо ответил Джек.

Своей собаки у деда Тихомира не было, но Джек, соседская дворняга, приковывающая взгляд своими громадными размерами и ниспадающей шевелюрой, сразу подружилась с ним. Может быть, из-за их схожей седины, которой Джек был награждён с рождения. Седой волос скрывал настоящий возраст. Пёсик даже иногда вёл себя как глупый щенок, когда прятался под сенями деда Тихомира во время грома. После бури сначала показывались ушки, а затем их обладатель. Деда такие причуды от души забавляли.

– Все видят по десятому сну, приятель, одни мы с тобой шатаемся тут по-холостяцки.

Джек продолжал вилять хвостом, намекая, чтобы его усердней гладили.

– Гуав-Гав! Гав! – четвероногий друг согласился.

Тихомир Иваныч покосился на дом. Ему казалось, что

невидимое лассо заарканило его и старается всеми силами затащить внутрь, заставить отворить все замки и освободить проход. Чувство дьявольского притяжения.

«Нет!» – мысленно он стукнул кулаком в грудь.

– Эй, лохмач, составишь мне компанию? Ты же любишь гулять в лесу?

Конечно же, Джек обожал проводить время рядом с Тихомиром. Лес же он использовал как площадку для оттачивания навыков охотника. Иногда грибника. Правда, последний случай с подозрительными лисичками едва не вышел пёсику боком. Благо выручил дед, отпоив настоем. Джеку вообще нравилось уходить подальше от домов, от других людей, что не похоже на обычных собак. И сейчас это оказалось как нельзя на руку для старца, потому что он собрался узнать, куда скрылся Хорх, и где тот может появиться в самое ближайшее время.

– Гав-гав-гав! Гуууааав! – хвост Джека превратился в пропеллер. Он первым взял курс на коммуны величественных сосен, одновременно грозно и оберегающе зажавших Волхвы в свои хвойные тиски.

– Только держись рядом, Джек! Рядом! – распорядился старец. «Неизвестно чем может закончиться наша прогулка, дружок...» – добавил он уже про себя.

Троица подозрительно одинаковых парней, отличающихся худобой и подозрительными стрижками «горшок», только вышла из самого последнего дома и виляющей походкой устремилась ко входу в лес, где была прочерчена широкая колея. В Волхвы они приехали на мотоцикле, но сейчас шли, если это так можно назвать, пешком. Даже тащить двухколёсный агрегат с люлькой они были не в состоянии, и его им пообещал вернуть хозяин дома – электрик Семён, жена которого разогнала пирушку по возвращении из города. Семён уже храпел под одеялом, а гостям посчастливилось совершить марафон через весь лес, стараясь не попасть под лопасти вертолёта в своих головах. Если бы Женька со Славиком находились рядом, они б наверняка рассмотрели в них восставших мертвецов.

Изрядно выпившая компания кое-как растянулась по ширине колеи и начала продвижение в глубь чащи. Сначала они шли сплочённо, положив руки на плечи. Миновало примерно 200 метров, и Шура, самый крайний, неожиданно нырнул в кусты щучкой, издав ужасный рык.

– Тряпка! – заорал Федор, что был по центру. Дотерпеть, что ль, не мог?!

Шура хотел ответить, развернулся (мутные глаза прорезались сквозь ночную тьму), но в следующую секунду снова

припал к обочине, разразившись рыком ещё большей силы.

– Баба со слабым желудком! – Фёдору было тяжело держать Василия, тот почти отключился. Возвращайся, он шас рухнет, к такой-то матери!

Ослабленный алкодруг пополнил строй, и они поплелись дальше. Ноги их уже не слушались. Шёпот хвойных деревьев воспринимался мантрой, разбивших лагерь сектантов неподалёку. Мрак давил на без того замученные головы, с трудом воспринимающие реальность. Каждый шаг давался сложнее и сложнее.

– Баста! – нарушил тишину Фёдор!

– Чи... чего? – Шура, вжавшийся сам в себя, повернул голову. Лицо выражало тотальное равнодушие ко всему. Это был натуральный ходячий труп, который только и делал, что портил кусты.

– Этот мешок кончился! – он махнул на Васю.

– И чи... чи... чего делать?

– Ночевать, дубина! Давай укладываться!

Фёдор мог похвастаться большей закалкой, нежели собутыльники, жизненных сил которых тогда едва хватало на поднятие собственных век. Их могли побить дети школьного возраста. Чего уж говорить про бойких деревенских женщин, одна из которых полчаса назад взорвалась в гневном припадке.

Сохранивший рассудок товарищ резко взял влево и пошёл тараном к большому сваленному бревну, где рядом про-

слеживался свободный травяной участок. Этого было достаточно для фрахтования трёх тел. Шуру предусмотрительно определили поближе к кустам. Вася примостился вдоль бревна. Сам же Фёдор, превратившийся в мамку беспомощных туповатых детей, соорудил себе травяную подушку и отполз под сосну. В считанные секунды троица утонула в крепком лесном дрёме.

«Какого чёрта!» – Фёдор резко открыл глаза. Понадобилось время, чтобы возникшие в голове вопросы нашли ответы: «Что за поляна?», «Почему мы в лесу?» и, основной, «Где все?». Не успев подобрать ответы, он начал паниковать, приговаривая:

– Бросили, подонки, уползли. Куда идти-то? Где, блин, я вообще? Ау, мать вашу, раз так! Ау! – Фёдор кружился вокруг своей оси. Похмельный синдром туманной дымкой нависал над обоими полушариями, они были не в состоянии нормально работать. Но стоило ему успокоиться, как первые признаки наличия живых людей тут же дали о себе знать. Паникёр долго всматривался в сторону зарослей бузины, сужая зрачки, которые вскоре бешено расширились.

«Ноги!». Чьи-то ботинки – и он знал, чьи – по-мертвецки высывались наружу... «Шуру утащили!» – пришло на ум Фёдору.

Медленной поступью, как по учебному минному полю в армии (хотя тогда оно оказалось «заряженным» – полкан Бичук любил пошутить), он приближался к подошвам с надписью 42, выставив руки вперёд, чтобы отреагировать на возможную угрозу. По правде говоря, такой позы хватило бы разве что на внезапные объятия, которые не заставили себя ждать.

Когда до оторванных ступней, смотрящих носками в землю, оставался метр, кусты зашевелились. Фёдор почувствовал тепло в районе левого кармана трико, но ему было некогда осознавать стыд – он прокручивал свою жизнь. Дойти до женитьбы не хватило времени – обвешанные бузиной ветки расступились, и существо странной формы набросилось на него. Предсмертный обморок обошёл Фёдора лишь чудом – сказалось содержание спирта в крови.

– Федоркаааа! Это же ты! – завопило существо, ранее известное как Шура.

– Баклан! – он отверг объятия и зашвырнул товарища обратно.

– Не кипишуй, Федь, мы чутка расползлись. Васёк, вон, шиповник облюбовал... Жив ли, как думаешь?

– Щас исправлю! – всё ещё злился Фёдор, стараясь прикрыть штаны.

Он перешагнул через бревно, добрался до кустов шиповника и, сделав пару гребков, обнаружил второе тело. Тело издавало аппетитный храп.

«Готов» – подумал искатель приключений.

– Федь, тут хорошо... Я спать... до утра – Шура зевнул и моментально отключился.

Спустя пару минут, на один источник храпа стало больше.

– Спице, синяки... – отмахнулся Фёдор.

Сам он не мог заснуть – сердце до сих пор пыталось пробить обтянутые кожей рёбра. Уйти в посёлок? Не в чести

бросать товарищей и отправляться в деревню. Да и дорогу, по правде сказать, Фёдор подзабыл.

«Буду баранов считать» – он нашёл выход. Улёгся на бревно и закрыл глаза. «Раз баран, два баран, три...».

На 45-том баране невидимая воздушная пуля прошила голову. Фёдор очнулся, но так и не пришёл в себя. Он не думал ни о друзьях, ни о штанах – вообще ни о чём. Туловище приняло вертикальное положение. Ноги медленно, попеременно шли в ведомом только им направлении. Полянка с друзьями вскоре вообще скрылась из виду. Хвойные ветки чертили на лице узоры, но в итоге освобождали путь, как швейцар приглашает в открытую дверь. Фёдор продолжал идти, заарканенный духом леса – это пришло бы в голову, сохрани он рассудок. Бревно и спящие вокруг него превратились в маленькую точку, бережно укрытую загромождением сосен. Широко открытые глаза смотрели на меняющийся ландшафт, но, казалось, хранили полнейшее недопонимание, будто до сих пор спали.

Трудно сказать, как далеко в чашу забрался Фёдор, вернее, его тело, но разбуженные первыми лучами солнца и утренними позывами Шура и Василий долго бегали вокруг той самой полянки, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку. Они посчитали, что Фёдор, наплевав на них, добрался до посёлка и давно уже обдувал подушку перегаром. Плюнув на поиски, парни выбрались на колею, на годами протоптанный маршрут. Вдвоём. В деревне сказали, что ни одна собака не озвучила появление Фёдора. На спинах друзей выступил хо-

лодный пот. Они в ужасе переглянулись. Тогда вряд ли кто-нибудь взялся предсказывать, сможет ли тройка в полном составе снова добраться до Семёна из соседней деревни.

Пока Шура и Василий пребывали в безмятежной стране сновидений, их приятель, подчиняющийся неведомой силе, забрёл туда, куда бы не отважился отправиться ни один застывший подросток.

Если бы Фёдор мог напрячь голосовые связки, то он бы описал подозрительного вида скалу, больше напоминающую укрытую чёрными соснами юрту, где уже лет 500 не жили люди. Деревья казались живыми, но выглядели так, будто пережили страшную угольную бурю, способную стереть с лица земли целые города. Они предупреждали и одновременно отпугивали путников.

Сквозь ветви, похожие на лапы костяного дракона, прослеживался проход внутрь.

В детстве Фёдора пугали ведьмами, колдуньями, он мог поклясться, что слышал оборотня, и часто рассказывал, как в ночи приходилось убегать от этих тварей, когда воображаемые шабаши бушевали поблизости от родного посёлка. Но то были сказки, вызывавшие приятные мурашки и напоминающие, что ты находишься здесь, сейчас, живой и в меру здоровый, а все враги просто питаются силой слов, нет повода их бояться. Но вы точно не думаете о «приятных мурашках», когда становитесь плотвой на крючке, которой дарована единственная способность – следовать за блесной в ожи-

дании грядущей участи. И загробная, потусторонняя аура этого места, где из убитой засухой земли пробивается каменный бункер, затягивающий любого своими лапами из чёрной хвои, могла предвещать скверный исход.

Эмоции молчали. Фёдору не давали думать. Вдруг ноги снова пришли в движение. Он приблизился к разлому, благодаря своей худобе, протиснулся в трещину и исчез в непроглядной тьме. Далёкий собачий лай должен был послужить предупреждением, но... как эта несчастная марионетка могла его услышать?

Экспедиция деда Тихомира и Джека уже начала убаюкивать обоих. В сердца полагавшихся на интуицию старца путников потихоньку прогрызался червь сомнения. Искоженные вдоль и поперёк тропинки, повторяющиеся лесные ландшафты с шоколадных конфет, сонное царство вокруг и никаких зверей под пристальным взглядом полной Луны. Уныло болтающийся хвост Джека показывал, что пёсик скоро потребует возвращения в более уютное место. Дед не соглашался.

Без карт и зацепок, кроме головы Иваныча, вооружённые фонарём скитальцы проблуждали ещё один час, сильно замедлив темп. Разочарование усиливалось. Но старец чувствовал, знал, что не смесь безысходности со страхом вытолкнула его вместе с четвероногим другом посреди ночи. Чтение знаков помогло ему в войну, поможет и сейчас. И знаки эти определённо были. Где-то в сплетённых линиях эфира, под слоем кучевых облаков, почти слившихся с тьмой. Что-то было. Оно расплывалось пульсирующей вспышкой, а затем пропадало. Через десяток-другой шагов появлялось снова. Вряд ли Джек мог видеть эту путеводную пляску гигантских размеров, это была забота Тихомира.

Тьма поглотила путников. Они слились с ночью. Лунное сияние едва помогало различить стволы деревьев, весь обзор

вокруг был залит вышедшим из берегов нефтяным месторождением. Внутренний барометр стал подавать тревожные сигналы, будто невидимый гигант накрыл их огромным куполом. Поднялось давление. Участился пульс. Из-за преследования кляксоподобного сигнала рассудок прогонял обыденные размышления. Мысли сжались, они легли на один единственный вектор и только...

– Туда, Джек! – старец внезапно ободрился и ускорил шаг. Пёс побежал за ним.

Обманывая свой возраст, Тихомир ловко проскальзывал меж препятствий. Его спутник старался не отставать, хотя под таким напором, надо признать, это давалось нелегко. «Старик обезумел! Он нашёл золотую жилу? Дверь в лучший мир? С цепи сорвался!» – возможно, думал про себя Джек.

– Не отставай, мы почти добрались! – подогнал зверька Иваныч.

Шустрые удары хвоста и натужное дыхание послужили одобрителем ответом.

Они отсчитали 20 сосен, пробежали полянку с пеньками, добрались до густых зарослей поразительно чёрных деревьев, и, вместо того чтобы осмотреться и проложить нормальный маршрут, дед Тихомир, подобно отчаянному юнцу, нырнул в хвойное озеро, залитое углём. Джек последовал за ним.

Только чудо помогло им остановиться на краю холма, ко-

торого отродясь не было на этом участке, как и ужасных деревьев чёрного цвета, сочащихся первобытным злом. Справившись с гравитацией, старец начал всматриваться вдаль, однако, собачье чутьё опередило – Джек начал громко лаять в сторону каменного изваяния. Эта площадь, на удивление, лучше освещалась, поэтому можно было разобрать, что к этому скальному «шалашу» приближается тень, обычная тень, совершенно обычного человека.

Пёс продолжать лаять. Всё сильнее и сильнее.

Тихомир Иванович изменился в лице, его охватила тревога и ужас одновременно. Он рванул напрямик с холма и закричал:

– Кто бы ты ни был – остановись! Не заходи внутрь! – вопль был пропитан сумасшедшей энергией.

Лай Джека вторил мощным словам.

Но человек (это совершенно точно был человек) не подавал виду, будто специально игнорировал крики. Он приблизился к разлому, который уже бросался в глаза. Человек замер.

Мчащимся с холма оставалось преодолеть каких-то 150 метров, чтобы оказаться перед незнакомцем. Они из последних сил быстро перебирали ноги – последний раз Тихомир так спасался от минометного обстрела в 43-тмем. Расстояние сократилось до 50 метров, и тень растворилась. Добравшись до того места, где стоял таинственный человек, они увидели лишь разлом, в котором растворился незнакомец. Недолго

думая, дед Тихомир последовал за ним.

Джек не смог. Пёс прыгал в довольно широкую трещину, но у него никак не получалось оказаться внутри. Похоже, колдовство опять было связано с мыслями, ибо Джек раз за разом упирался в воздушную заслонку, для пробития которой не хватало силы энергетического поля собаки. Наконец, он остановился, плюхнулся на убитую засухой землю, попытался отдышаться. Если бы только ему позволили.

Джек встрепенулся. По его вечно спадающей шерсти прошли разряды статического электричества. Верный друг, как это ни странно звучит, оказался под напряжением. Паника закрутила его. Пёс забегал по кругу. Со стороны казалось, что он носится за собственным хвостом, как любят делать все собаки, но, на самом деле, на Джека обрушилось всё окружающее пространство. Графитовые деревья, стоящие на защите разлома, где скрылся неизвестный человек и дед Тихомир, скрутились в форму сферы и стали зажимать Джека в свою ловушку. По псу бегали микроскопические разряды, они жалили его. Гневный лай понемногу вытеснило испуганное взвизгивание. Джек заскулил. Он не понимал, что происходит. Никто на его месте не понял бы, что происходит. Чёрные драконьи крылья уже накрывали его, не помогала даже лунный свет – ночное светило предпочло не смотреть на ужас, разворачивающийся на полянке около скальной юрты.

Давление, которое на момент безумного рывка сдвинулось на второй план, вернулось с утроенной силой, достигнув пика. Находящийся в осаде тысячи электрических пик пёс припал к земле, затянув едкий запах сгоревшего леса. Он испуганно прижал уши и пал вниз. Сфера сжалась до предела. Невидимые когти впились в него, после чего он уже не видел ни света, ни намёка хотя бы на блеклый лучик. Тьма поглотила его, и мучения Джека закончились.

Теперь лишь тот несчастный, который лишь по чьей-то злой воле мог оказаться на выжженной поляне около скальной юрты, увидел бы обладателя некогда развивавшейся шевелюры, бездвижно лежащего около большой каменной глыбы. Джек не убежал, хотя был шанс. Он остался ждать своего верного друга, прыгнувшего в неизвестность. И ему было страшно жаль, что не получилось последовать за ним.

Кровь деда Тихомира закипала. Во время погони он забыл обо всём: о возрасте, о костях и остатках мышц 90-летней давности, об этом дьявольском окружении, от которого вода могла покрыться коркой льда, а зубы – превратиться в кастаньеты, отбивающие нервный ритм. Даже Джек, бедный Джек, сам вызвавшийся в это приключение, окончательно отошёл на второй план. Только незнакомец. Только мрачная тень, приковавшая к себе внимание с того проклятого холма, на которую они обратили внимание, когда человеческая сущность, призывающая уйти, развернуться и бросить это место к чёртовой матери, проиграла, и расплывчатая клякса увлекла их за собой. И они поддались. Почему?

Потому что один из них знал жуткую правду, которая могла последовать за исчезновением человека в проломе с энергетическим барьером. И если бы он достиг своей цели, куда до этого поглощения уже был совершён сбор необходимых человеческих душ, пришлось бы готовиться к судному дню.

– Мракобесие! – прорычал старец, как только его тело переместилось на другую сторону. – Где ты? И кто ты, человек?!

Человек не спешил с ответом. Окружение было на его стороне. Казалось, что тьма свисает с едва заметных стен пе-

щеры сгустками и вот-вот начнёт капать и пачкать одежду; сейчас эта жижа зальёт глаза и тогда шансов выбраться отсюда живым не останется вообще. Такого пленения Иваныч не пожелал бы и злейшему врагу. Можно ли было двигаться через подобную пелену, не боясь оказаться в волчьей яме или ловушке, испепеляющей тебя заживо, как ту полянку около входа? Выбора не оставалось. Вернее, его уже сделал незнакомец, чьё дыхание должно было доноситься поблизости. Должно, но не доносилось! И тут Тихомир Иваныч крепко задумался: «А человек ли это вообще?»

Старец пошёл вперёд. Тяжелый пещерный воздух больно бил по разгоряченным от беготни лёгким. Он выставил руки вперёд, делая каждый шаг так, будто пересекает кишашую аллигаторами Амазонку ночью, под лунным светом и по головам рептилий. Один аккуратный шажок. Другой. Воображение рисовало картины из пещеры троллей, где пол устлан костями вперемешку с останками убитых животных. Сами тролли, прекрасно чувствовавшие себя в ночное время, давно промышляли снаружи в поисках свежих жертв, а он, старый дурак, забрался в их логово, чтобы докопаться до истины и, возможно, предотвратить конец света.

Сделав ещё пару шагов, дед Тихомир понял, что подстроился под темноту, так как давление больше не терзало трещащую по швам голову, и глаза могли сфокусироваться на мелькающих силуэтах вдалеке. Сказать, что они не понравились ему – отнюдь; старца терзали совершенно иные трево-

ги, и теперь сердце забилося так, как никогда прежде. Из-за поворота стали выглядывать отблески мистического свечения, раскрывшие на скальную роспись – целая россыпь рунических знаков, с виду насчитывающих не одну тысячу лет до нашей эры. Пещера, как потом догадался старик, была воплощением заклинания такой силы, что легко бы заставила планету крутиться в обратном направлении. Знаки питали её, как плутониевый стержень насыщает энергией атомный реактор. И в самом центре этого колдовства сейчас оказался он и его дорожный мешок, переброшенный через плечо.

Ландшафт уходящих вдаль стен понемногу стал меняться, а плотность знаков возрастала. Вскоре он дошёл до участка, когда, спрятавшись за выступом, увидел настоящую гирлянду из символов, стекающих к – Тихомир слегка высунулся из-за каменной преграды – огромной двери! Прямоугольное изваяние чуть подавалось наружу. Оно было скорее похоже на саркофаг, замурованный в стене, а вовсе не на обычную «Калитку в другой мир», как подумал про себя дед. Саркофаг отличался мощной защитой, способной выстоять против любого оружия. Помимо внушительного вида, его вдобавок окутывала полупрозрачная аура, которая считывала каждого, кто осмеливался приблизиться к этому проходу. Если бы не она, не плотный воздушный поток, Джек мог оказаться рядом, в этой смертельно опасной пещере, но живым. Как пролез сам Тихомир – остаётся загадкой.

Зачатки мыслей насчёт пропавшей собаки были изгнаны

появлением призывателя. Тихомир ужаснулся, когда к двери приблизился не кто иной, как Фёдор из соседнего посёлка. Старик правильно делал, что выжидал и держался на расстоянии – лицо Фёдора исказилось, впало, изо рта капала слюна, а сам он шаркал, загребая ногами.

Когда Фёдор начал медленно проговаривать одному ему ведомые слова на каком-то мистическом наречии, Иваныч понял, что перед ним самый настоящий призыватель, потерявший человеческую природу, и приближаться к нему – обречь себя на гибель.

Тихомир Иваныч не покидал укрытия, хотя зло, скрывающееся в недрах такого жуткого места, возможно, совсем рядом, уже знало о его присутствии. Возможно, даже само вело старика, чтобы отомстить после случая с вторжением в деревне. Фёдор, вернее, то, что когда-то было им (правда, человеческие черты он не потерял – стрижка «Горшок», целая рубашка со штанами, кроссовки с тремя полосками и кожа без единого прыща, натянувшаяся на продолговатом лице) тоже чувствовал чужую, но по-своему родную энергетику, ибо манящая его сила резко отличалась от привычного, скажем так, доброго мира. Однако, сопротивляться не было сил.

Губы Фёдора едва шевелились, ему не требовалось кричать, чтобы запустить реакцию, которая не заставила себя долго ждать. В первые мгновение не было ничего, кроме невнятного бормотания. Через минуту рунического диктан-

та по всем поверхностям пошла легкая вибрация. Дальше она начала бешено нарастать. Когда у Тихомира затряслись кишки, а весь обод двери расчертил мертвецкий синеватый луч, старец понял, что промедление и страх, сковавший тело, превратят в пепел всю их экспедицию и гибель Джека, о которой он ещё не догадывался, станет напрасной.

Потребовалось чудовищное усилие, чтобы рука деда добралась до мешковидной походной сумки. Он прощупал содержимое, удостоверившись в наличии нужной ему вещи, и на какой-то момент переключил мысли на Фёдора, сильно зажмурившись, будто собирается разорвать его на части. Тщетно. Между призывателем и саркофагом установилась слишком прочная связь, чтобы кто-нибудь извне смог нарушить её, чересчур прочная. Лоб старика разгладился, и его взору предстало зрелище, куда хуже, чем было до опущенных век.

Огненный свет проник в тело Фёдора. Тот неестественно прогнулся назад, не выдержав напора. Зарево циркулировало энергетическим потоком от двери к призывателю и обратно. Тем временем, дрожь превратилась в землетрясение. Ещё пара мгновений – и навсегда замурованное нечто по ту сторону выбралось бы наружу.

Рука Тихомира на этот раз гребком нырнула в сумку и вернулась в прежнее положение уже с запасным планом – обрезом. Старец не особо доверял этому способу, несмотря на то, что проговорил тонну молитв и окропил ствол святой

водой. Он и сейчас перебирал всех святых, мучеников и обращался ко всем известным богам, вплоть до африканских племенных, параллельно взводя курок.

Иваныч выпрыгнул из укрытия в полный рост, будто приготовившись к последнему бою в своей жизни.

(Федя, прости меня) – проговорил он про себя.

Раздался грохот выстрела, за ним сразу же последовал второй, после которого дед машинально забросил ещё пару патронов 12-го калибра.

И не зря – первые залпы достигли цели: картечь разнесла часть головы, отбросив ошмётки из волос с кожей в дальний угол; челюсть превратилась в месиво, а из свежих ран хлестала кровь.

(Вдруг всё это плод его воображения? Вдруг я стал убийцей? Вдруг меня одурманили?)

Однако, яростный свет выстрелы не остановили. Теле по-прежнему было пронизано энергетическим потоком.

– Господь Всемогущий! – Тихомир Иваныч в открытую пошёл на врага, произнося молитву стальным голосом.

Дуло обреза извергло две новых порции дроби. Выстрелы прошли чуть ниже, обнажив шею и раздробив плечи призывателя. Свет не ослабевал.

– Отец наш небесный! – дуплет снова пополнил дуло.

Громкие хлопки эхом разнеслись по всему гроту. Казалось, что в любой момент рухнут стены. Уши деда Тихомира заложило, но ему было всё равно.

Фёдор стал совсем не похож на себя. От головы практически ничего не осталось. Рубашка свисала лохмотьями, кровь била фонтанами.

– Дай нам сил!

Окружение завибрировало с новой силой, перейдя в мощное землетрясение! Что-то произошло! Казалось, пещера начала стонать, однако, низкий гул издало то, что находилось по ту сторону саркофага, то, что всеми силами старалось оттуда выбраться. Вибрации нарастали.

Кисти рук выполнили заученное движение. Тихомир Иваныч погрузился в подобие транса. Он стрелял и перезаряжал. Стрелял и перезаряжал, пока не кончились все патроны. Он понимал, что силе, сдерживающей остатки того, что было Фёдором, 12-тый калибр всё-таки причинил вред, и их связь разорвалась. Дедушка даже не осознавал (или не хотел осознавать) свою цель, куда вылетела уже десятая пара смертельной дроби. Под градом выстрелов призыватель больше не говорил – он потерял физическую возможность. Поза резко изменилась – сейчас вместо Фёдора в воздухе повисла некая биологическая масса, чудным образом налипшая на поломанные кости. В ней уже не теплилась жизнь. Душа покинула тело пару минут назад – в запале Иваныч не мог точно зафиксировать время смерти, но продолжал стрелять, как умалишенный, при этом, сам того не замечая, издавая истошный вопль.

– И убереги от лукавого! – последовал насыщенный яро-

стью крик старца, когда тот разрядил последнюю пару патронов уже практически в воздух и увидел, что безжизненная масса рухнула на пол. Фёдора не ждали пышные похороны.

По потолку и стенам поползли трещины – дед проводил их глазами, у него чуть не закружилась голова от такого манёвра – опять напомнил о себе упадок сил. Трещины расползались с невероятной скоростью. Они усеяли весь грот так быстро, будто разом началось несколько землетрясений. Мешкать было некогда, поэтому дед сразу рванул обратно, причём как раз в тот момент, когда часть свода пещеры обрушилась на останки Фёдора.

(Вряд ли кто-нибудь отважится навещать его на этой могиле)

Мрак по-прежнему застилал глаза подобно тягучей жидкости, но рефлексy взяли верх – Тихомир быстро преодолел несколько поворотов, стараясь умчаться подальше от завалов за спиной, где нарастал грохот от падающих глыб, готовых в любой момент погрести его под собой. В кровь снова влили галлон адреналина. Стопы перебирали темноту, каждый шаг в которой казался пробежкой по органической субстанции, оставшейся позади: где-то в голове отдавалось звонкое эхо от ломающихся костей; в ушах по-прежнему стояло гудение бесконечной череды выстрелов (он ещё долго не забудет их); лодыжки вязли в воображаемом болоте чёрной слизи, с аппетитом поглощающей всё живое. Дед Тихомир убежал не из пещеры – он спасался из сеней чистилища, не

иначе. Хотя на самом деле грот ни капли не поменялся. С тем лишь отличием, что существовать ему оставалось каких-то жалких пару минут. Горы, появившиеся там, где со времён первых жителей возникали только холмы да сосны, неожиданно вздрогнули. Рядом со старцем прошёл отбросивший его в сторону импульс. Справа образовался проход. Без лишних раздумий он тут же нырнул в него.

Если бы кто-нибудь взялся расспрашивать Тихомира Иваныча насчёт прошедшей ночи, о его возвращении, то в ответ получил бы пару колких фраз про крепкий сон и любопытство, сгубившее кошку. Отчасти это было правдой, потому что последствия спасительного рывка в голове старца отпечатались не иначе, как обыкновенный обморок. Дед Тихомир отключился, хотя во время бегства он заведомо готовился спастись от дьявольских угольных сосен, казавшихся ему ожившими, и перебирать онемевшими от ужаса ногами, пока не наткнётся на точку выхода. И тогда он бы вспомнил про Джека и осознал, что больше никто не придёт прятаться от грозы под его сенями.

Когда Иваныч продрал глаза, перед ним предстал собственный дом, который никак не мог быть чистилищем. Хотя назвать по-другому едва не поглотившее его место, не поворачивался язык.

Часть II

1

Волхвы по-прежнему хорошенько прожаривались на летней сковородке. Их жители совершали традиционные заходы на грядки. Они всё так же кряхтели, обливались потом и придерживались за изнывающую от боли поясницу, когда дело шло к обеду или возвращению домой. Где-то кричали маленькие дети. Большие опять сторонились огородной работы, активно пинали мяч и в очередной раз, после неловкого удара, лезли в крапиву, снимая с губ ругательства, за которые родители отучили бы их сидеть на целую неделю. Издалека доносились привычные козлиные арии. В нос залетал запах скошенной травы. Ни о каком конце света не могло идти и речи.

Голова, на удивление, обрела ясность мальчишки, который ещё размышлял о призыве в армию, хотя, казалось бы, произошедшему следовало огреть Иваныча огромным железным рельсом и, в лучшем случае, оставить в состоянии «баклажана» (старик всегда боялся превратиться в этот овощ под занавес жизни). Он попытался выстроить цепочку событий, потому что, с тех пор как на него напало желание (даже не желание – призыв) отправиться в ночной лес

к неизвестному пункту назначения, колесо логических рассуждений сильно забуксовало.

(Сперва чаю) – дал себе установку дед Тихомир.

(Да и попотчеваться чем-нибудь было бы неплохо)

Старик бойко сбросил ноги с кровати. Побочные эффекты прошедшей ночи напрочь отсутствовали. Не наблюдалось даже лёгкого головокружения, мышцы отдавали тонусом, а некогда вредное давление позволяло деду стать первым 90-летним космонавтом. Последнее приключение попало в категорию вещей и людей, которые обычно называют... «ЧУДОМ».

Прилив бодрости продолжался ровно до тех пор, пока он не вспомнил про своего верного путника, не пережившего прошлую ночь. Тихомир догадывался, каким страданиям мог подвергнуться бедный Джек, прежде чем отправиться в лучший мир, и он ощутил горестный укол в сердце, когда осознал, что груз ответственности, доставшийся ему вместе с предложением Джеку идти вместе, был безвозвратно потерян. Так или иначе, смерть четвероногого друга отпечаталась на совести старца, и ему ничего не оставалось, кроме как пообещать самому себе сделать всё, чтобы она не была напрасной.

Какое-то время он просидел в забытии, соблюдая траурное молчание. Выйдя из него, дед осмотрелся по сторонам, будто снова вернулся в реальность, и остановил взгляд на самоваре.

Иваныч всегда проводил чайный ритуал с использованием этого устройства по назначению и не признавал ни городских пакетиков, ни других современных ухищрений. Однако, сейчас невесть откуда взявшаяся лень взяла своё: вопреки принципам, он достал из кухонного шкафа литровую стеклянную банку, затем большой деревянной ложкой щедро зачерпнул чёрного чая и забросил её густым слоем, раза 3-4 укрыв дно. Теперь понадобился кипятилок. Лень сказала не только на самоваре, но и на растопке печки. Ещё один сосуд, но уже с водой, принял к себе инородный предмет, именуемый в народ кипятильником, еретическим прибором из «ненавистного списка» Иваныча. Но сейчас в его голове преобладали размышления более глубокие, нежели распитие благородных напитков по правилам. Правда, одно он не позволил себе забыть: как только кипятилок оросил банку с чаем, она моментально приняла цвет янтарной смолы.

Про чай деда Тихомира ходили страшные слухи, будто от пары глотков этой дичайшей крепости спазмы так сильно сковывают горло, что человеку словно затягивают удавку на шее. Зубы могли окраситься в цвет древесной коры, либо вовсе раскрошиться. Мозг же... что мозг... заливающий его в себя человек превращался в настоящего дурака, ей-Богу! Как бы там ни было, детям дед никогда не наливал фирменного отвара, зато сам регулярно держался в форме.

– Дивный настой в этот раз вышел, хорош, собака! – проговорил Тихомир, прикладываясь к металлической кружке.

Вторая его рука раз за разом погружалась в пакет с баранками. Желудок тоже дал о себе знать, но его дед предпочёл не баловать. Может быть, потому что чрезмерная сытость мешала ему думать, да и фанатом набитого брюха он не был, о чём буквально кричала бросающаяся в глаза худоба.

Старик взял кружку с мешком баранок и перебрался на террасу. Уселся чётко напротив леса. По мере того, как по телу растекалась бодрость от настоявшегося до черноты чая, на ум начинали приходиться мысли по поводу скрывающейся за соснами энергии. Они приходили и рассыпались, самоуничтожались ещё до того, как затрагивался какой-нибудь блуждающий нерв. Дед чувствовал себя эдаким охотником на бизонов, прикончившим последнего представителя вида. Руки тянулись к ружью, но разум подсказывал, что бизонов больше нет, ты их больше не встретишь, ибо шкуру последнего освеживали только сегодняшним утром. Успокойся, старый!

2

– Славик, на кой тебе 20 скоростей на велике?! – возмущался Женька. Друзья отправились покататься до ближайших посадок по новому маршруту с крутыми горками, в которые без проблем влетал Женькин велосипед «Десна», а Славиково страшно дорогое импортное барахло, как справедливо заметил для себя Евгений, даже на обычной дороге вело себя очень странно.

– Передачи... – Слава ехал, дёргаясь как паралитик, он всё время вздымался над сидением и проваливался вниз, потом привыкал, затем снова резко падал. – Передачи плохо переключаются, это не я! – уже не такой, как раньше, но по-прежнему пышного вида Слава говорил с отдышкой, вспотевшие пальцы проскальзывали на руле.

Женька снял ноги с педалей, чтобы дать другу фору. Дёргающийся образ сзади начал потихоньку приближаться. Нечеловеческая отдышка стала долетать до ушей.

– Давай меняться! – предложил Евгений. Мы с тобой так далеко не уедем. Помрёшь ещё в поле, а рядом никого нет.

– Но он же дорогой! Он должен быть лучше! Лучше дешёвой «Десны» из двух сваренных труб и с одной только скоростью! – верещал Слава. Он был хорошим парнем, но иногда зажиточность Елисеевых сказывалась даже на таких очевидных моментах. Поэтому Славик добавил натуги и пару раз

щёлкнул маленьким язычком на руле.

Тут Женька понял, что езда фигуры позади резко преобразилась. Более того, пропали каторжные стоны, и – о, чудо – друг поравнялся с ним, демонстрируя улыбку шире задницы, как сказал бы его дедушка.

– Разобрался? – по-отечески спросил Евгений.

– Ага! – Слава светился от счастья. – Передачи перепутал, дятел! Теперь нормально покатаемся, погнали!

Раздался уже знакомый щелчок, и широкие колёса с протектором унесли надпись «KROSS» вперёд, дальше поля зрения друга.

– Вот и давай тебе фору! – проворчал про себя Женька. Он снова поместил ноги на педали «Десны» и принялся догонять зазнавшегося велосипедиста.

(Зато я не утопаю в собственном сале) – подумал про себя Женька.

(Всё равно ведь шас догоню)

Мальчишки выровнялись. Они неслись вокруг огромного поля, которому ещё предстояло принять целую армию деревенской техники, но пока оно представляло собой лишь океан развороченной земли и делать там было нечего. Поэтому друзья яростно крутили педали, ловили встречный ветер, пробовали вытворять всяческие трюки вроде езды без рук, устраивали гонки наперегонки, в которых чаще всего побеждал Женька, и сходили с ума от потрясающего ощущения свободы. Когда тебе 13 лет и пока недоступно ниче-

го, что имеет двигатель внутреннего сгорания, велосипед – единственный способ выдрать из окружающего мира кусочек беспечности, непреклонности и силы.

Накручивание километров уносило их подальше от обычного деревенского быта, где дни приходят в облике близнецов, а обстановка меняется лишь в зимний период, когда мороз накладывает свой отпечаток. Во время езды друзей никто не контролировал, не учил жизни и уж, тем более, не отчитывал за мало-мальский проступок вроде немытого лица за обеденным столом. Велосипедисты приносили богу ветра собственное время, и тот одаривал их по полной программе.

– Жека, догоняй! – Славик снова щёлкнул переключателем и быстро ушёл в отрыв, хотя дорога становилась всё круче и постепенно начинала напоминать аттракционы в парке, на которых их пока не пропускали по росту. Настоящие «Американские горки!».

Женька с замиранием сердца наблюдал за тем, как быстро друг добрался до вершины горки, а затем с реактивным ускорением умчался вниз. По округе прокатилась радостная буква «Аааааааааа», причём так, будто её сбросили с водопада. Когда он сам оказался наверху, то увидел действительно крутой спуск, напоминающий ему лыжные прыжки с трамплина. Недолго думая, Женька крутанул педали и помчался догонять Славика. Расстояние начало сокращаться, и Женька уже хотел издать победный крик, как друг опередил его.

Правда, криком боли и ужаса.

Дорога приготовила для самого отчаянного велосипедиста злую ловушку – металлический диск от колхозной машины «Урал», замаскированный в самом конце спуска, причём так удачно, что гонщик вообще не имел каких-либо шансов затормозить. Переднее колесо велосипеда на огромной скорости впечаталось в стенку диска, передав задней части огромное количество энергии, рванувшей велосипед вверх и уложившей наездника на лопатки, прямо на диск. В одно мгновение Славик превратился в свежесподанный обед для каннибалов, которые бы непременно воспользовались такой сервировкой «стола», находишься они поблизости.

«Десна» дала по тормозам. Друг пострадавшего подскокил к нему в слегка неадекватном состоянии, читающемся в глазах. Казалось, «трюк» до сих пор стоял на повторе в его мозгу.

– Живой?! – прокричал Женька. Из-за перевозбуждения он не мог говорить спокойно – орал как умалишенный.

– Чё это было? – недоумевал Славик, но боялся пошевелиться.

– Фух, говорить можешь – удостоверился друг. – Сальто ты сделал, вместе со своим дорогущим велосипедом, который чудом не рассыпался в труху! – вынес вердикт Евгений.

– А я и смотрю, мутит меня что-то... – закатил глаза Славик.

– Кончай умирать! – раскисшего больного требовалось

привести в чувство. – Попробуй пошевелиться и привстать. Поломанные кости не торчат? – в голосе проскользнули нотки издевательства.

– Завязывай, Жек! Щас... – округлое тело начало потихоньку усаживаться на металлический диск от «Урала».

– Сидишь на попе ровно. А теперь ногами.

Славик перестал быть лакомой добычей. Он отделался парой синяков на бёдрах, и вскоре осознал, что велосипеду досталось куда сильнее – с такой «восьмёркой» он бы втрескался в первое же препятствие на дороге и гарантированно заработал бы морскую болезнь от болтанки.

– Видал? – с грустным видом Слава крутанул колесо, которое теперь уподобилось орудию для гипноза. Друзья даже залипли на 10 секунд, пока оценивали масштаб разрушения.

– Да тут и спицам досталось... – Евгений почесал затылок.

– Угу.

– Знаешь, Слав, брошу я тебя. Ты же не пропадёшь с таким крутым великом, правда? – лицо Женьки озарилось дьявольской улыбкой.

– А моим чего скажешь, умник? Что бросил друга?

– Да, слушай, точно, мамка твоя всыплет, ты прав – Женька продолжал серию болезненных уколов.

– Мамка? Да за твоей тоже не заржавеет, от обеих ремня отхватишь! – Слава даже покраснел от натуги.

– Ладно, – Женя взял свой велосипед за руль и зашагал в сторону деревни. – Потопали домой чиниться.

– Ага, тут бестолку. И пожрать бы чего-нибудь, мы ж захватили.

– Тебе лишь бы «пожрать», инвалид.

Раздался хлопок добротного пинка, которым Славик доказал своё нормальное самочувствие после аварии, и Женька еле успел оттолкнуть обидчика, чтобы быстро вернуться к заваливающейся на бок «Десне», он не хотел есть бутерброды с дороги.

Всё-таки через полчаса провианту предстояло хорошенько послужить на благо их желудков.

Закончив трапезничать в духе уставших охотников, друзья выползли из посадок и медленно побрели по знакомым дорогам, ориентируясь на башню элеватора. Сытые, с набитыми животами, они медленно переставляли ноги под щелчки коробки переключения передач Славика, толкая своих железных коней по направлению к деревне. Солнце уже собиралось прощаться с этим днём и неторопливо окрашивало небо в янтарные цвета, на котором не было ни единой тучки. Ветер приятно обдувал мальчишек, в этом коротком походе они стали частью спокойного деревенского вечера, какие довольно часто выпадают на долю местных жителей. Огороды медленно, но приближались.

На велосипедах получилось бы добраться куда быстрее, но тогда будущая находка так и затерялась бы на полях и не подала бы тревожного знака для жителей Волхвов.

Путь домой оказался намного длиннее, чем думали горе-велосипедисты. Уничтоженные бутерброды, вместо того чтобы дать заряд энергии, действовали успокаивающе и медленно отправляли обоих друзей в царство дремоты. Славик всеми силами старался не клевать носом, вспоминая весёлые истории про говорящего помидора, неуловимого Джо и электрическую мухобойку, но быстро «перегорел» и стал прислушиваться к треску коробки передач. Пару минут спустя, им овладел настоящий гипноз, он совершенно забыл про «восьмёрку» на переднем колесе и завалился в придорожные кусты, подпирающие берёзовые посадки. Женька, погружённый в собственные мысли, продолжил толкать велосипед. С другой стороны, не впервой. Раз упал, сейчас быстро догонит. Поэтому его ничего не беспокоило. Как оказалось, зря.

От души покрыв велосипед словами из лексикона деда Андрея, когда тот возвращался после неудачной рыбалки, Слава, кряхтя, поднялся. Да, его товарищ не придал особого значения этому проколу – Славик вечно влипал в передряги, или, как любил говорить Женька, рукожопил. Вот и сейчас он лишь дежурно покосился на потирающего бедро рукожопы и продолжил переставлять ноги. Славику это не понравилось. Однако, больше не понравилось другое – противный гул роя мошкары, приближающейся со спины. Деревенские

пацаны привыкли к комарам, слепням и прочей гадости, но эта мерзкая мелочь, облепившая рубашку, резко отличалась от обычных насекомых: обычные с виду мухи были полностью залиты мазутом, даже крылья; их писк граничил с ультразвуком; мухи прочно приклеились к рубашке – Славику сильно повезло, что по каким-то причинам у этой «живности» не оказалось зубов.

Он рефлексивно стряхнул всю чернь, ощущая следы от лап на коже. Только наклонился, чтобы поднять велосипед, как новая порция атаковала рубашку. Слава задёргал руками подобно школьнице, на которую покушалась огромная крыса. Небольшой град снова посыпался в сторону земли, но не долетел, а вернулся, как выяснилось, в один большой водоворот мошкеры, зависший над кустами в глубине посадок. Парень не боялся леса, однако, сейчас по спине пробежал холодок. Возможно, виной всему стали сумерки, или же нечто иное.

(Там... Там гнездо? Или дохлая лошадь? А вдруг собаки? Такие же чёрные и злые? Целая стая? Может...) – мысли Славика подняли тревогу.

Держа страх в одной руке, а любопытство в другой, он двинулся в сторону сгустка мошкеры, огибая гнездо с тыла, чтобы оказаться чётко у кустов и не стать жертвой целого роя, который наверняка облепит не только рубашку с руками, но не побоится отложить личинок в глотке, глазах и ноздрях уютного человеческого тела. Пока манёвр ему уда-

вался.

Он шёл медленно. Кусты находились в пяти-шести шагах и буквально через мгновение к ним можно было прикоснуться рукой, в которой Слава держал именно любопытство. Куст чего-то похожего на пересохший шиповник подался в сторону, открыв находку, которую мальчишка запомнил до конца своих дней.

Удивительно, но как только обезумевшие глаза Славы столкнулись с иссиня-чёрным скелетом существа небольшого размера, рой отвратительных прилипающих мух со скоростью звука испарился в... (Чаще? Там раньше никогда не было чащи... Или мы туда никогда не заходили...). Перед Славой лежал неопознанный объект, габаритами напоминающий карлика, которого сожгли вместо пугала на масленицу, или обугленная лошадь. (Собака, это точно собака) – промелькнуло у него в голове. (Но кто мог с ней сотворить такое? И откуда взялась эта дурацкая тайга? Там должна быть дорога, а не заросли!). Ему показалось, что тело не подбросили с дороги, не притащили из какой-нибудь соседней деревни, а... «Мама!» – юный возраст взял своё, и Слава по привычке начал просить маминой защиты. Размышления о неизведанной силе, способной выжечь душу некогда живого создания, напрочь выбили всю волю.

(«Мама! Мама! Мама! Забери меня отсюда!») – мальчишка закрыл глаза, поддался панике и приготовился бежать, но вовремя осознал, что невесть откуда появившаяся чаща будто манит его, даже не давая подумать о выходе на дорогу, чтобы, сверкая пятками, умчаться домой.

Накатили слёзы. Не от страха – так действовало давление ловушки, в которую угодил Слава. Окружающее простран-

ство стало нависать над ним и давить, приглушая любые человеческие рефлексy. И это хорошо удавалось – мама оставалась последней надеждой Славы на то, чтобы, как минимум, не сойти с ума. Но вряд ли хозяйка Елисеева могла услышать истеричные мольбы сына.

Восьмёрка дорогого велосипеда перестала волновать 11-летнего мальчугана, прижавшегося к земле, рядом с костями. Его не волновала даже вонь, исходившая от тела, хотя от подобного запаха запросто бы слез кожный покров у любого человека. Одурманенный Слава катался по траве в позе эмбриона, обхватив собственную голову. Из рта вылетали всё те же 4 буквы. Шестое чувство подсказывало: «Ты в западне! Возьми себя в руки и выметайся, пока есть шанс!». Но голос разума заглушали помехи потустороннего «купола», которым накрыло велосипедиста.

Слава ощущал, как уплотняется воздух, как невидимые тиски давят его. Закрадывалось ощущение, что чьи-то руки (скорее, плети) опутывают, чтобы переместить туда, откуда, вероятно, прибыла сожжённая собака. И вряд ли ему готовили более добрую участь. Голова при этом раскалывалась. Истощенный крик – единственное, что он попробовал сделать, но только наглотался костного порошка. Какая-то энергия приближалась к нему. Энергия, в миллионы раз превосходящая людскую. И крики здесь были бессильны.

– Славик? Ты там уснул, что ли? – до Женьки наконец-то дошло, что не слышен треск коробки передач. – А, Слав?

Он остановился. Позади, на пыльной колее, виднелись лишь его следы. Похоже, друг дал фору примерно в 100-150 шагов.

– Странно... – тихо проговорил Женька и развернул велосипед. – Слав, куда ты делся, чтоб тебя?

«Десна» медленно покатила в обратном направлении, наездник по-прежнему шёл рядом. Ничего подозрительного не бросалось в глаза: дорога, с одной стороны – поле, с другой – посадки. Следы велосипеда и кед так и не думали появляться.

(Не мог же я так далеко зайти? Его велик постоянно трещал, бред!)

Когда пульс Женьки начал учащаться из-за набросившейся тревоги за друга, он обнаружил под одной из берёз тот самый «KROSS» со свежей «восьмёркой» на переднем колесе. Теперь сердце было готово прорвать рубашку.

Слава часто влипал в переделки, и Женьке не раз приходилось выручать нерадивого товарища. Он мог бесконечно загибать пальцы, вспоминая случаи с порезами забором-колючкой, стычки с деревенскими пацанами (по вине угадайте кого) и вылазки на кукурузное поле, когда обоим грозил учёт в детской комнате милиции. Этот – исключение. Да, Славик умудрился разбить дорогуший велосипед почти на ровном месте, но исчезновения в стиле Копперфильда – точно не его конёк.

(Велик он бы в жизни не бросил. Только через собствен-

ный труп!) – эта мысль слегка встряхнула Евгения, он ещё не подозревал, что она могла оказаться правдой.

– Покажись, толстый шутник! – произнёс он дрожащим голосом. Нет, нерв не сработал, хотя первый раз в жизни хотелось услышать фразу в духе «Ты чё сказал, баклан?!».

Женька бросил «Десну» и уселся около дороги. Он просто смотрел в одну точку. Безысходность.

(Нельзя же заявиться в деревню в одиночестве или с великом Славы без него самого. «Не поймут» – слишком мягкое объяснение. Где Слава? Я понятия не имею. Мой друг только что плёлся по левую руку, а потом исчез, растворился в воздухе. Похоже на сумасшествие)

Раздумья отключили практически сдавшегося Женьку от окружающего мира, благодаря чему уже его шестое чувство пришло на выручку. Он сконцентрировался на друге и через какое-то мгновение до ушей долетел стон, непередаваемое сочетание гласных из-за спины, со стороны полей.

Женька вскочил с места, быстро прорвался через посадки и сразу обнаружил пропажу. Ещё рывок – и он оказался в шаге от своего друга, который катался по полю, закрыв голову руками, и мычал, уйдя в сильнейший транс или поддавшись мощному гипнозу.

– Славик, очнись! – Женька попытался схватить его и разжать руки. Тщетно. – Что ты делаешь! Успокойся! – бестолку. Худющий Женя (раза в 2 стройнее Славы), в чьём списке достоинств умение драться стояло на одном из послед-

них мест, встал чётко над головой товарища, собрал правую кисть в кулак и со всей дури направил его в лоб человека на земле, дабы привести в чувство.

Женька забросил подальше надежду решить проблему таким тупым способом, он поддался рефлексам из-за собственной злости, однако, ему удалось! Катающееся тело моментально остановилось, руки перестали давить на лицо и переместились на лоб, чётко в место удара, а губы наконец-то произвели протяжный крик боли, к счастью, напоминающий привычное нытьё Славика. Только затем он поднял веки, и Женька отскочил в сторону – чёрная дымка расплылась по зрачкам. Повезло им обоим – при солнечном свете тьма отступила, по крайней мере, на первый взгляд. Благодаря другу, Слава вернул контроль над собой.

– Что это было?! – всхлипывающим голосом спросил Слава.

– Ты пропал! Мы тащили велосипеды, потом я отвлёкся и остался один. Чудо, что вернулся в то место и услышал твоё мычание. Дикость, Слав!

– Нет, Жень, что ТАМ было?! Что за обугленные кости, мерзкие мухи и давление, закладывающее уши???

– Ты с ума сошёл? Я нашёл тебя на поле, в бреду! – Женька специально умолчал про чёрную дымку, он даже себе внушил, что ему «показалось».

– Нет-нет-нет-нет! – Слава закипал. У него опять выступили слёзы, слёзы бессилия и отчаяния.

– Слав, успокойся!

– Нееееет, ты не понимаешь, не понимаешь! Они чуть было не забрали меня, чуть не убили!

– Да кто тебя мог убить? Тут? В посадках?

– Чернуха! Демоны, бесы, дьявольщина вся не из нашего мира! – Славика трясло. – Помнишь НЛО в ураган? Фигня! Здесь кровь стынет в жилах, и ты вообще ничего не можешь сделать! Душу твою потрошат!

– Надо взрослым рассказать! – Женька понял, что спорить бесполезно. – Идти сможешь?

– Подожди... – он плюхнулся на землю, тяжело дыша.

В воздухе зависла жирная пауза.

– Пойду посмотрю, не угнали ли мою «Десну». Твой «KROSS», кстати, у тех берёз – Евгений попробовал сменить тему.

– Велик цел? Хоть что-то... – выдохнул Слава.

– Да, но жить тебе придётся с восьмёркой на переднем колесе.

Женька улыбнулся, ожидая, что губы друга расплывутся в едкой улыбке. Зря. Тот лишь бойко схватил свой велосипед и возглавил поход домой.

Когда у кого-нибудь из жителей Волхвов подскакивала температура, семья пострадавшего сразу отправляла посыльного, чтобы набрать банку малины в саду напротив часовни.

«Эта волшебная ягода, помимо божественного вкуса, вдобавок обладала целебным свойством – отменно снижала человеческий пыл, если внутри бушевала инфекция аль ещё какая хворь! Стаканчик малины возвращал захиревшего тракториста в строй уже к утру, детей же поправлял на раз! Только перебарщивать с ней нежелательно – есть риск окоченеть: бледным станешь, кровь обленится, и тогда пиши письма! Поняли? Стакан и хорош!» – так звучал отрывок из лекции, которую батюшка Игнат регулярно читал своим немногочисленным прихожанам.

На его территории находились целые заросли малиновых кустов, однако, церковник отличался щедростью и всегда держал двери открытыми. К тому же, нотки малины прекрасно дополняли вкус высокоградусного напитка. Этот вид находился на втором месте в личном рейтинге Игната, после апельсиновых корок (городской экзотики) с базиликом. Только иногда он забывал про «волшебные свойства» малины, в особенности при смешивании со спиртом, и, бывало, пару дней не показывал носу на улицу.

«Опять закаляется, что ли?» – спрашивал кто-нибудь из местных, когда видел наглухо задёрнутые занавески и пустое кресло-качалку.

«Хорошо, что у нас крепкий батюшка» – причитала баба Нюра, гоняя гусей мимо церкви. «Другой давно бы помер от такой химии».

Однако, тяга Игната к «творчеству» не ослабевала, даже если опыты не всегда оканчивались успехом и приходилось отлёживаться в изоляции.

Вот и сейчас, под занавес дня, когда с огородов улетали последние «ласточки», как обычно, в поту, загаре и земле, он замаскировался в листьях, с которых буквально гроздьями свисали желанные ягоды.

– Урожайный сезон выдался на малинку, ох, не поспоришь! – приговаривал Игнат, бережно ссыпая в ведёрко свежесобранную горсть. – А на вкус-то, на вкус-то как, прости Господи!

Следующие фразы было тяжело разобрать, потому что щёки Игната раздулись как у хомяка, его будто обуял малиновый суккуб. Насыщение никак не приходило. Ведёрко наполнялось медленно, большая часть добычи оказывалась во рту.

– Хорошо, хорошо пойдёт! Ох, хорошо намешаю! – наконец-то пробормотал батюшка.

Он продолжил комплектовать ведёрко, напевая себе под нос бардовские мелодии про замки, королей, рыцарей и шу-

тов. Хотя что бы ни «мычал» Игнат, всегда получались «Зелёные рукава». Но никто не обращал внимания.

Служитель церкви услышал, как за спиной накатили трескучие звуки, он оглянулся – первым удивительно быстро толкал велосипед Слава Елисеев, вторым следовал Женя Байкин. Наполовину убитое переднее колесо сразу бросилось ему в глаза.

(Дорогой агрегат! Прочтат ремнём по мягкому месту!)

Вид у ребят был потрёпанный. Игнат мог бы предположить, что на этих велосипедах они улепётывали из вражеского плена, попутно отбиваясь чем попало, но он хорошо знал деревенских пацанов. Куда их занесло? В какую историю они умудрились вляпаться здесь? Стоило расспросить.

– Мужики, вы почему такие измотанные? – батюшка оторвался от своих кустов.

– Всё нормально, батюшка Игнат, перекатались. – сразу выпалил Женька.

– По этой баранке не скажешь, что нормально – батюшка кивнул на велосипед Славика.

– Знаете, там на «Рубеже», километрах в 10 от нас, есть крутые горки?

– Слышал.

– Так вот. Этот умник, – Женька отметил друга большим пальцем, – разогнался до трясушки и со всего маху налетел на врытый диск от «Урала».

– Дайте угадаю, перекрутило?

– Сальтушку махнул... – прокряхтел Слава.

– Ты ещё дёшево отделался, что сам докатил велосипед, а не превратился в балласт для Евгения. Сейчас бы висел как добыча на раме его «Десны»! – улыбка сделала муштру батюшки более человечной.

– Знаю... – Слава опустил глаза. – За велик, правда, попадёт...

– Ты не кипятись, дай посмотреть. Можете пока малинки отведать, – Игнат закинул в рот последнюю горсть и жестом направил мальчишек к ведру, а затем он сам пошёл оценивать ущерб.

– Батюшка, спасибо большое, но нам бы домой, сейчас уже хватятся, потом точно всыпят! – распереживался Женька.

– Говорю, без паники! С аппетитом черпаем ягоду, жуём, чтобы не болтать попусту, и перемещаемся к заднему двору церкви, что у леса. Будем избавляться от улик! – в голосе церковника прозвенели командирские нотки.

– Момофо – промычали друзья, поглощая сочные малиновые семейства и одновременно заглушая страшную жажду. Они дико обрадовались тому, что Игнат сможет поправить велосипед и, в самом страшном случае, им влетит только за позднее возвращение домой.

– Да, справимся! – сказал Игнат и покатил «KROSS». Женька, недолго думая, схватил руль «Десны» и направился следом. Славик тормозил и жевал, жевал и жевал.

Друзья с любопытством наблюдали за тем, как ловко деревенский батюшка расправляется с железной конструкцией. Основным уроком от их родителей была раздача подзатыльников, но никак не обучение ремеслу, которое даже со стороны демонстрировал Игнат, служитель церкви, уютно чувствующий себя в шкуре мастера на все руки. Слава посмотрел на Женьку взглядом «Да я бы первым записался в хор, если б им руководил дядя Игнат! Плевать, что не умею петь – научился бы и октавы брать, и ключом орудовать!».

Игнат поначалу долго искал обычный мел, чтобы обозначить искривление. Славик крепко втрескался в диск – пришлось серьёзно попотеть.

– А ведь я всего лишь хотел попросить кого-нибудь из вас попрыгать на колесе... – Игнат почесал затылок.

– Не получится, что ли? – поинтересовался Славик. – Я запросто!

– Ты уже сделал «запросто», дубина! – оборвал друга Женька. – Лучше не мешай работать!

– Смотрите, ребята – Игнат показал на места искривления, окрашенные в белый цвет. Отметок было очень много. – Сейчас я постараюсь откопать в недрах чулана спицевой ключ и буду ослабевать и подтягивать спицы.

– Все тоненькие железки? – с удивлением спросил Слава.

– Именно так – подтвердил Игнат. – Все тоненькие железки. Сила натяжения сместилась, и форма колеса изменилась. Представь, Вячеслав, если кто-нибудь надавит на твой пра-

вый бок – избыточное напряжение точно выльется в хруст, дикую боль или – не дай Бог – грыжу. В этом случае тебя перекособочит, гарантирую! Поэтому и с колесом произошла аналогичная трагедия. Понятно, надеюсь, изъясняюсь, ребяташки?

– А как же! – оба опять синхронно закивали.

– Придётся вам сказать родителям, что велосипед у меня и что с ним всё в порядке, другого выхода нет. Хотел помочь побыстрее, но, сами видите, спицы займут как минимум час. Не подаваться же вам в бега из-за этого, правильно?

– Спасибо Вам, батюшка Игнат, мы тогда зайдём к вам часа через полтора, если, конечно, отпустят!

– Отпустят, можете на меня всё свалить, я потом отмолюсь – пошутил церковник, хотя пацаны только переглянулись при виде хихикающего церковника. – Ступайте с Богом!

Они разошлись в разные стороны. Дети – по домам, а Игнат быстрым шагом спустился в подвал, который почему-то называл чуланом, и стал рыться в залежах собственной жизни. Он доверился привычке и решил не включать свет. Чутьё не подвело – сумка с инструментами висела на старом, покрытом паутиной велосипеде. В ней точно скрывался ключ для спиц и много чего ещё.

Через какое-то время желанный инструмент заскрипел в руках мастера, а колесо начало понемногу уподобляться нормальному геометрическому кругу.

Удивительно, но весь путь, пока Игнат колдовал над спицами, Славик и Женька не проронили ни слова, и каждый знал и одновременно не знал – почему? Уж точно не из-за того, что на горизонте маячили бардовые ягодицы.

На фоне происходящего в Волхвах, где по-настоящему осведомлённым был лишь один Тихомир Иваныч (Славе полностью отшибло память во время «происшествия», и он бы вряд ли (пока) вспомнил присутствие инородных сил), в селе за лесом, более крупной деревне, закипала паника. Может быть, в мегаполисе исчезновение человека не воспринимается катастрофично, и по накалу страстей оно стоит между походом в булочную и битьём посуды, но в отдалённых селеньях испарившийся в воздухе житель всё ещё провоцирует обращения ко всем святым, крещение тремя перстами и бесконечные стоны – стоны по неизвестному исходу, который ну никак не вписывался в спокойную жизнь.

Причина была до боли проста – исчезновение Фёдора. Не то, чтобы он долгое время пребывал у соседей за лесом или скрывался от циркулярной пилы в виде жены, нет, человек растворился в пространстве самым примитивным образом. Соседские мальчишки, постоянно курсировавшие на велосипедах в сторону Волхвов и обратно (в основном за мороженым), уже поинтересовались, где может быть пропащий Фёдор. Вскоре они узнали, что – нигде. С тех пор, как он в сопровождении Василя и Шуры пересёк лес и оставил их спящими (удивительно, как они это вообще умудрились вспомнить?), прошло достаточно времени, чтобы путник дополз

до дома и мертвецки рухнул в объятия жены. Но – нет. Надежды на самостоятельное возвращение, коим всегда отличались любители залить за воротник, канули так же быстро, как Фёдор покинул своих товарищей на той треклятой полянке.

Оксана, жена Фёдора, тоже довольно поздно начала бить тревогу, ибо до последнего надеялась, что в самое ближайшее время раздастся стук в дверь, она демонстративно распахнёт её и достанет с полки речь, заготовленную на все случаи жизни, а затем со всей силы даст ею по голове своего бестолкового мужа, довершив ритуал перед погружением того в похмельный сон. Сейчас, спустя почти сутки, стало понятно, что планам не суждено сбыться и надо – кто бы мог подумать, что придётся прибегать к этому – созывать людей и отправляться искать пропажу.

Когда Оксана перебирала спицами, сидя во дворе своего скромного домика, которого едва хватало на двоих, за забором прошёл Василий, который умудрился как следует выспаться и добраться до своей деревни по сценарию, повторяющемуся не одну сотню раз. Спицы, сдерживающее нарастающее напряжение, тут же упали на землю, и пышная зеленоглазая женщина, предпочитающая скрываться за тёмным халатом-платьем с яркими васильками, быстро вскочила и направилась к приятелю мужа.

– Вася! Василий, стой! – ещё никогда в жизни она не преодолевала это расстояние так молниеносно.

– Ксан, привет! Ну я же всё сказал, правда, не знаю, – сказал он и опустил глаза.

– Припадками лунатизма Федя никогда не страдал, что знаю, то знаю! Мог вскипеть, отправиться кутить с вами, раздолбаями, уснуть на чужом участке – да что угодно, но уйти с концами?!

– Говорю же, мы уснули на поляне, в чаще, что рядом с лесной дорогой. Потом я проснулся и что-то пробурчал Фёдору. Помню, сквозь темноту прорезались листья, уснул я в кустах, и как раз Фёдор, похоже, нас всех тогда потерял и пошёл собирать.

– Это я знаю.

– Шура тоже валялся поблизости.

– Представь себе, я в курсе.

– А дальше – утро!

– Что утро?! – не выдержав, прокричала Оксана.

– Ну, мы окончательно пришли в себя. Голова гудела – жуть! Мы с Шуриком уселись на бревне и стали ждать, когда Федя появится из чащи, скорее всего, с дровами для костра. Ты же знаешь, что он у нас вроде как за главного?

– Как же не знать, – кивнула Оксана, уперев руки в бока.

– Мы долго ждали, где-то с полчаса. Никого. Куда Федя подевался? Выдвинулись искать.

– Пару минут побегали по лесу и наплевали? – женщина качала головой с неодобрением.

– Да пойми же ты, наконец – Василия и самого терзало

чувство вины – что мы только землю не рыли! Бегали как дети, которые хотят спрятать курево от родителей! Добрались даже до другого входа (или выхода?) в лес. Пусто! Понятное дело, после такой спасательной операции мы ожидали увидеть его дома. Дома же оказался шиш, сама знаешь.

– Естественно, шиш! – Оксана повысила голос. – Ушёл квасить и с концами! К бабе, что ли, забрёл? Так ты говори, к какой! Быстро верну!

Василий хаотично растрепал причёску «Горшок» и начал взад-вперёд ходить по дорожке. Диалог скатывался в безумие.

– Он, блин, растворился, Оксана! ИСЧЕЗ! Колдуны его забрали – думай что хочешь! Тебе ещё придётся поискать ту бабу, которой бы приглянулся Фёдор в своём состоянии.

– В каком таком состоянии? – насторожилась женщина.

– От перегара могла слезть пудра, ресницы бы отвалились, ногти – потрескались.

Руки спустились с боков и выпрямились вдоль тела Оксаны.

– Но я...

– Ты же сама бы вряд ли набросилась на него, правильно? Разве что со сковородкой, а, Ксан?

– Да, но...

– Искать надо, искать! – Василий свесился через забор. – Если все наши сделают цепь и прочешут лес, мы хоть какую-нибудь зацепку да найдём, я уверен!

– Вообще... дело говоришь, Вась... Чего делать-то надо? Как народ собрать?

– Схожу к Никитичу, попрошу его организовать сбор, чтоб с фонариками, с собаками.

– Буду ждать новостей! В любом случае, одна двину, чего терять? Детей нет, никого больше нет – в глазах Оксаны прослеживалось отчаяние, граничащее с безумием.

– Ты это... не кипятись. Обожди чуть – постарался успокоить её Василий.

– Ладно... – Оксана перевела взгляд вниз. – Позовёшь тогда?

– В первую голову! Да и соседи обязательно постучатся! – махнул Василий и неуверенным шагом двинулся в сторону администрации посёлка.

К вечеру главная площадь собрала столько людей, сколько не получала на концерт известной городской группы, по ошибке заехавшей в село с населением в 500 человек. Гаврила Никитич, местный глава, в непродолжительной речи под лозунгом «Пропал – найдём», объяснил собравшимся мужчинам, женщинам, любопытным детям, собакам и козам, увязавшимися за хозяевами, что лучше всего будет растянуться в цепи и прочесать лес, отделяющий их от Волхов. Народ вооружился старыми фонариками на магнитной индукции – по селу тут же раскатились жамкающие звуки – люди активно накапливали заряд в фонарях. Лысый дед Лаврентий нашёл повод прихватить своё ружьё. Это же сде-

лал Митька, который только стремился к званию почётного пургаевского охотника. Пока на его счету была лишь пара курей, сбежавших из соседского загона. В общем, народ настроился серьёзно.

Когда процессия выдвинулась, у Оксаны защемило в груди: «Ради моего Федыки поднялось всё село! Да половина из них собачилась с ним по любому поводу, и тут пошли, даже с дитяами! Господи, не верю, не верю...».

Она наблюдала за тем, как тётя Римма, бабушка Катя, её взрослые внуки, упомянутый дед Лаврентий и его свита, состоящая из не менее лысых дедов Серафима, Гриши, Володи и Ивана, и многие другие выстроились на дороге, вьющейся пару километров как раз до их пункта назначения – высоких сосен, выглядывающих из-за обширного кукурузного поля. Шок сковал ноги Оксаны, она не могла сдвинуться с места, хотя кому, как не ей занимать место в первых рядах. Пока женщина лишь провожала соседей глазами, которые случайно покосились на пустые, будто брошенные дома. Электрическим разрядом одно из полушарий продела мысль о том, что жилища провожают своих обитателей в последний путь и не надеются вновь распахнуть для них двери и согреть теплом. Но Оксана вытерла слёзы то ли гордости, то ли страха, захватила котомку с провизией и побежала догонять начало широкой колонны, на ходу забрасывая поклажу через плечо.

Василий помахал ей, чтобы Оксана ориентировалась на него. Через секунду они шли уже вместе.

– Посмотри, сколько собралось народу? – улыбнулся он, чувствуя собственную заслугу.

– Все! Вообще вся деревня! – двойка произнесла Оксана.

– В умных книжках подобное называется «сплочение», – грустно произнёс Василий. Он-то ожидал бурного восторга.

– И никого не осталось... Здорово, что откликнулись все наши соседи, но... – беседу прервала театральная пауза.

– Но что? – не выдержал Василий.

– У меня одной ощущение, что деревня избавилась от нас, как от Фёдора?

– Да, у тебя одной. Тебе надо было выпить две рюмки или взять с собой недовязанный свитер! – Василий разговаривал с ней как с сумасшедшей. – И, умоляю тебя, не вздумай произносить такое на людях, если не хочешь нажить толпу ненавистников.

Видя, что Оксана ещё больше ушла в себя, Василий решил слегка поменять тактику:

– Договорились? – добродушно произнёс он.

– Договоримся, если Федя найдётся... – выдала Оксана и подозрительно улыбнулась.

Василию этот жест показался ещё более странным, чем исчезновение друга, но предпочёл держать эмоции при себе.

Дальше они шли молча, даже несмотря на появление Шуры из ниоткуда. Однако, толпа была заряжена энтузиазмом. Ещё бы! Столько народу на такой клочок леса. Да они без проблем найдут даже его золотую коронку, выбитую во вре-

мя драки с лешим.

Человеческие фигурки не удержались в пределах грунтовой дорожки, проделанной кавалькадами тракторов и грузовиков, и вскоре разбрелись по кукурузным полям, заранее выбрав позиции для погружения в хвойное царство.

Вот уже показалось и основное шоссе, от которого спускаются тропинки к низине, прямо к нескольким протоптанным дорожкам в чащу. Сейчас начнёт действовать проверенный и эффективный метод поиска пропавших человеческих душ – старая добрая цепь, изучающая каждый квадратный сантиметр на своём пути.

Не так давно бурлившая площадь осталась в одиночестве, слушая отголоски радио, доносившиеся из ближайших домов. От оставленных, но не заколоченных досками жилищ на коже случайного прохожего могли выступить мурашки. Это было жутковатое, неуютное зрелище, хотя за ним не скрывалась какая-либо угроза. После успешных поисков люди должны были вернуться к привычной сельской жизни, может быть, выпить полуночного чая, да завалиться на боковую. Встретить новый день у себя дома. Как всегда.

И вряд ли кто-нибудь из них мог воспринять за дурной знак синхронный вой всей оставленной деревенской живности, когда первые спасатели растворились меж деревьев, уйдя из-под взора спрятавшегося за горизонт солнца.

Не успели стрелки часов начать отсчёт следующих суток, как небо под луной разверзлось тропическим ливнем – лютой проверкой на прочность для крыш деревенских домиков. Титанический дождь поднял с постели многих волховчан. Отовсюду стал доноситься звон посуды, попавшейся под руку в потёмках. Загремели тазики, ведра, котелки. Тест оказался провален.

Дождь обезумел. Огромные капли обрушивались на землю с таким напором, что казалось, будто они проделают дырочки в листьях, обезглавят клеверы и, чего хуже, выведут из берегов уличные туалеты. Дворы начали превращаться в подобия болот. Без галош было не обойтись. Всё предвещало утро в грязи.

Шквальный ветер, вместе с которым налетела гроза, окончательно загнал всех волховчан под одеяла. Там пулемётные очереди, бившие по кровле, и треск грома казались не такими страшными.

Некоторые приклеились к окнам – вспышки молний периодически освещали разрастающиеся лужи. Скорее всего, в этот момент многие достали из чулана истории про шаровые молнии, разбивающие окна и испепеляющие всех внутри за секунду до того, как покинуть помещение. Детские пугалки, созданные для подобной погоды.

В сенях заморгал свет. Дождь и не думал идти на убыль. В облаках появились зарницы, которых в Волхвах не наблюдали уже лет сто. Самые набожные, продрав глаза, вероятно, принялись активно креститься, хотя, по правде, большая часть из них скорее порадовалась хорошему урожаю в будущем.

Закончилось всё так же внезапно, как и началось. Тишина опустилась гигантской заглушкой, разбросав лишь громадные лужи в качестве напоминания о ночном катаклизме. Пробудившиеся волховчане поутру абсолютно ничему не удивились (да и чему?). Они вздохнули, примерили резиновые сапоги и отправились проверять хозяйство. Да, вышедший из берегов сортир оказался едва ли не самой большой проблемой.

Почти 500 человек растянулись длинной цепочкой. Издалека они выглядели как большая гирлянда, опоясывающая большой лесной участок. Гирлянда двигалась, и каждое движение сопровождалось криками «Фёдор!», полными надежды. Удивительно, что на их зов не приехал Фёдор из чужого посёлка за тридевять земель – он мог легко услышать этот гул. Но пока им отвечали только хрустящие под ногами ветки.

– Вы хотя бы примерно помните, где была та полянка с бревном? – спросила Оксана у Шуры и Василия.

– Около большой дороги... – начал Шура.

– Ага, а потом вглубь... – продолжил Вася. – Но после, пёс его знает, куда мог податься Фёдор.

– В лучшем случае, он бы пошёл в нашу сторону. В худшем – свалился в песчаный карьер, на котором обрывается лес по направлению в город. Раз уж вы насвинячились до такой степени, что совсем одурели! – вынесла вердикт Оксана.

– Ну не начинай, откуда ж мы знали-то! – в синхронном стане обоих мужчин зародилась обида.

– Знали... – пробурчала женщина и вернулась на свой участок.

Поисковую команду подвело то, что они развернули операцию практически в сумерках и в чашу зашли уже после за-

хода солнца, не заметив, как преобразилось окружение. Для всех чёрный лес казался обыденным явлением (как ещё могут выглядеть деревья после наступления темноты?). Вряд ли кто-нибудь обратил внимание на запах, исходящий от иголок, или на роящуюся мошкарку, облюбовавшую верхушки угрюмых сосен. Когда насекомые приземлялись на одежду, деревенские сбрасывали их, били как комаров. Все были увлечены поисками, возможно, думали, что увлечены, фокусировались на человеческих очертаниях, пусть даже обездвиженных.

Пока кружки от фонариков бегали по местности безрезультатно.

Воздух становился всё плотнее и плотнее, намекая на скорое приближение грозы. При этом никто не догадывался, что дождь уже заливает Волхвов, находящихся напрямиком за лесом, где бродит группа. Заливает от души, подсвечивая потоки воды небесными зарницами и разрядами молний. Гроза уже шла. Везде, за исключением уютного, скрытого мирка, в котором очутились жители соседнего посёлка. Настолько уютного, что невольно начинали стучать зубы.

«Фёдор, Фёдор, отзовись!» – доносилось со всех сторон. По голосу уже чувствовалась усталость людей.

Когда у Оксаны начали закрываться глаза (ночь брала своё), она пошатнулась и чудом смогла удержаться за голый ствол дерева.

(Что за мазутная коряга?) – промелькнуло у неё в голове.

Ладонь будто измазали в чём-то чёрном и липком.

Она в очередной раз машинально хлопнула себя по плечу, намереваясь убить комара, но по хлопку и хрусту поняла, что грязная пятерня попала на отвратительную муху, видимо, тоже вымазанную жидкой гадостью.

(Такого отродясь не водилось в нашей полосе)

– Вася, посмотри, что за дрянь размазалась у меня по плечу?

Василий, старавшийся сильно не отдаляться от Оксаны, сразу посветил на участок и покоробился.

– Ксан, гуталинового жука укукошила? Глянь, ты вся чёрная – он подошёл поближе. – Фу, а разит-то как! Чё это?

– Вот и я думаю... – она перевела взгляд в сторону. – И почему так тихо? – через секунду спросила женщина.

– Дык, орут все, почему тихо? – пожал плечами Василий.

– В лесу тихо, Вась. Обычно ночью лес продолжает жить своей жизнью. А сейчас нас как будто закрыли. Знаешь, как сковородку с картошкой – крышкой?

– И вправду – тихо. – он почесал подбородок.

Оксана подумала, что рядом болото (хотя откуда там взяться болотам?) и, может быть, поблизости люди не страдают ни от этих чёрных мух, ни от ощущения клаустрофобии. Огоньки гирлянды по-прежнему выглядывали, стоило лишь оглядеться по сторонам. Оксана побежала к одному из них, но вдруг сапог наступил на твёрдый предмет. Луч фонаря скользнул вниз и обнажил металлическую пряжку ремня.

Женщина выронила фонарь, ноги подкосились, она уселась на землю. Ремень принадлежал Фёдору – выцарапанное от нечего делать слово «ФЕДЯ» на обратной стороне не могло соврать.

– Василий, взгляни... – она подняла руку с пряжкой, едва сдерживая слёзы.

– Подожди... – сказал он, уставившись в противоположном направлении. – Фонари не двигаются!

– К... как не двигаются? – по телу Оксаны пошла нервная тряска.

– И людей нет! – Василий уже кричал. – Фонари лежат, а люди исчезли. Там только тьма, Оксана!

Часть III

1

Дверь сеней распахнулась, и на пороге показался сын Галины, державшей наготове дежурное приветствие, которое служило прелюдией к добротной порке – привычному наказанию за возвращение под «волчьей луной» (у местных бледный лунный диск почему-то ассоциировался с волчьим воём). Женька заранее знал, что ему уготовано (не в первый раз), и поэтому приготовил оправдательную речь, и начиналась она со слов:

– Мам, послушай сначала, там Славик... – мальчишка вскинул руки, пытаясь не разорваться от переполняющих его эмоций.

– Опять Славик! Сто раз на дню по двадцать пять к разу, туды его в качель! – гневно выпалила Галина.

– Сейчас серьёзно, правда! – он сделал шаг вперёд.

– Куда пошёл? Ноги вытер?! – оно продолжала держать сына на дистанции.

– А... сейчас, да, – Женька пошаркал ногами, хотя их обоих (как и всю деревню) ждало утро в галошах.

– Слава рождён, чтобы влипнуть в истории! Его кусают собаки, которые никогда никого не кусали. Он ломает себе

неправильные части тела...

– Уши? – перебил мать Женька.

– Да, уши! Кто в нашей деревне хоть раз ломал уши, сын? И как он умудрился их сломать, ты помнишь? Не отвечай, сама скажу – полез в заброшенную хибару у самого леса, застрял меж досок, а потом как дёрнет.

– Нет, мам – поправил мальчуган – ты путаешь... Тогда он провалился в погреб и сломал ногу. Уши захрустели во время полёта с холмов – он во что-то врезался, то ли в пень, то ли в норку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.